

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 7 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Луковская Д.И., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Нижник Н.С., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Из истории права Российской монархии

- Тресков А.П.** Вече как институт гражданского общества в Древней Руси 3
- Яхьяев М.Р.** Сводный судебник 1606–1607 гг. 7
- Петров Ю.И.** Причины и характер злоупотреблений властью в России в XIX столетии....13
- Книга М.Д.** Историко-правовые аспекты становления системы сельскохозяйственного просвещения в период Столыпинской реформы.....17
- Ельчанинов А.П., Ельчанинова О.Ю.** Преемственность и новации законотворческой деятельности Анны Иоанновны 23
- Тюленева М.А.** К проблеме целесообразности существования и применения смертной казни как вида наказания в соответствии с теорией наказания, разработанной В.Д. Спасовичем 29
- Тетюхин И.Н.** Рецензия на монографию Ю.А. Мизиса «Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государственной службе)» 34
- Судебная деятельность: историческая ретроспектива**
- Беляева О.М.** Ч. Беккариа о судебном усмотрении, толковании права и мерах наказания 39
- Исаев И.А.** Суд в греческой трагедии: закон и литература.....44
- Попп И.А.** Участковый мировой судья Михаил Иванович Капустин: «Ум и знания создали ему репутацию одного из самых умных людей в Перми...» 51
- Колотков М.Б.** Состояние уголовного судопроизводства в контексте охраны общественного порядка в России в 60–70-х годах XIX века 55
- Краюшкина Е.И.** Система разрешения споров о трудовых увечьях на промышленных предприятиях Тульской губернии начала XX в. 60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtog@lavinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 01.03.2016

Номер вышел в свет 21.04.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Почта России — 10866;

«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 7 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Lukovskaya D.I., doctor of juridical sciences, professor;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Nizhnik N.S., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence
Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay
for publication of their articles.

Glimpses of the History

of Law in the Russian Monarchy

- Treskov A.P.** The Veche as a Civil Society Institution
in the Ancient Russia 3
- Yakhyaev M.R.** The Comprehensive Law Code
of 1606–1607 7
- Petrov Yu.I.** Causes and Character
of Abusing Authority in Russia in the XIX Century 13
- Kniga M.D.** Historical and Legal Aspects
of Forming the Agricultural Education System during
the Stolypin's Reform 17
- Elchaninov A.P., Elchaninova O.Yu.** Continuity
and Innovations of Legislative Activities
of Anna Ioannovna 23
- Tyuleneva M.A.** Revisiting Expediency of Existence
and Application of Death Penalty as a Kind
of Punishment according to the Punishment Theory
Developed by V.D. Spasovich 29
- Tetyukhin I.N.** Review of the Moscovia Voivod
(R.F. Boborykin on the Tsar's Service)
Monography by Yu.A. Mizis 34
- Judicial Activities: Historical Retrospective View**
- Belyaeva O.M.** C. Beccaria about Judicial Discretion,
Interpretation of Law and Punishment Measures 39
- Isaev I.A.** The Court in the Greek Tragedy:
Law and Literature 44
- Popp I.A.** Precinct Justice of the Peace
Mikhail Ivanovich Kapustin: "His intelligence
and Knowledge Developed his Reputation of One
of the Most Able Men in Perm..." 51
- Kolotkov M.B.** Status of Criminal Legal Proceedings
in the Context of Maintenance of Public Order
in Russia in the 1860-70s of the XIX Century 55
- Krayushkina E.I.** The System of Resolution of Disputes
Regarding Work-related Injuries at Industrial Enterprises
of the Tula Province in the Early XX Century 60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 01.03.2016
Issue was published: 21.04.2016

Circulation 3000 copies.
Free market price.

Subscription:

Russian Post — 10866;
"United Catalogue" — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Вече как институт гражданского общества в Древней Руси

*Тресков Алексей Павлович,
помощник судьи Ростовского областного суда,
кандидат юридических наук
altreskov@yandex.ru*

В данной статье рассматривается вече как институт гражданского общества в Древней Руси, дается характеристика и определяется его место в сфере политико-правовых правоотношений того времени, исследуются точки зрения российских ученых-правоведов и историков, таких как: М.К. Любавский, И.Е. Лизакевич, М.Ю. Шефтель, В.О. Ключевский, В.И. Сергеевич, И.Я. Фроянов, О.В. Мартышин и др. В работе проводится анализ происхождения данной дефиниции и ее трактовки различными учеными, рассматриваются проблемы, имевшие место в процессе вечевых сходов, выделяются функции вече, описывается его устройство, указывается на его значение в системе формирования институтов гражданского общества и органов государственной власти Киевской Руси.

Одним из способов самоорганизации народа в истории нашей страны было всенародное обсуждение наиболее важных вопросов, возникающих в процессе жизнедеятельности общества. Историко-правовое исследование жизни русского народа заставляет сделать вывод, что корни всенародного обсуждения находятся именно у «народного веча».

Наличие в организации органов государственной власти Киевской Руси веча позволяло сохранять экономическую и политическую самостоятельность, а ее население — граждане, являлись носителями индивидуально-правового статуса, представляя собой общество свободных граждан.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, право, гражданский контроль, вече, народное собрание, сход, Древняя Русь, демократия, теория и история государства и права, политология.

The Veche as a Civil Society Institution in the Ancient Russia

*Treskov Aleksey P.,
Judge Assistant of the Rostov Regional Court,
Candidate of Legal Sciences*

The article is concerned with the veche as a civil society's institute in ancient Russia. Its characteristic and role in political-law relations of that time are also given. Points of view of different Russian scientists, historians and lawyers are also analyzed. Among them: M.K. Lubavskiy, I.E. Lizakevich, M.Y. Sheftel, V.O. Kluchevskiy, V.I. Sergeevich, I.Y. Froyanov, O.V. Martishin etc. The article is concerned with the analyze of that definition, and its meaning by different scientists. The problems that took place during the veche procedure and its functions are also analyzed. The role of veche and its significance in the system of forming the civil society's institutes and state bodies in Kievan Russia is also studied.

One of the ways of people's self-organization in the history of our country was a nation-wide discussion of the most important questions arising in the vital-activity of society. Historical and legal studying Russian people's life leads to the conclusion that the roots of the public discussion are located at the "popular assembly".

The presence in the organization of public authorities of Kievan Russia popular assembly allowed to keep economic and political independence, and its population — citizens were bearing an individual legal status, representing a society of free citizens.

Key words: Civil society, state, law, civilian control, veche, public assembly, ancient Russia, democracy, theory and history of state and law, political science.

Формирование гражданского общества занимает отдельный этап в истории Российского государства и права. В отличие от государства общество в том или ином виде существовало постоянно, в то время как атрибут «гражданское» было присуще ему не всегда. Общество возникает вследствие разделения государственных структур и общественных, заявления его представителей о самостоятельности и способности к самоорганизации. Одним из

таких способов самоорганизации в истории нашей страны было всенародное обсуждение наиболее важных вопросов, возникающих в процессе жизнедеятельности общества. Историко-правовое исследование жизни русского народа заставляет сделать вывод, что корни всенародного обсуждения находятся у «народного веча».

Как известно, формой правления в Киевской Руси была раннефеодалная монар-

хия, что, как следствие, подразумевало наличие в организации ее органов государственной власти веча¹ (народного собрания), которое

¹ Аналогия древнерусскому вече была и у скандинавских народов — тинг (др. сканд. þing). В период раннего средневековья на тинг, представлявший институт дофеодального общества, собирались все совершеннолетние мужчины. Тинги играли роль главных центров социального и культурного общения бондов. Здесь обсуждались общие дела, вершился суд и т.д. Постепенно тинги из собрания всех бондов стали превращаться в собрания их представителей, выбиравшихся населением или назначавшихся духовенством или служилыми людьми короля. Тем не менее власть короля считалась законной лишь после провозглашения его на тинге областей и королевства. По мере укрепления королевской власти главные тинги были окончательно подчинены государственному контролю; местные тинги сохраняли еще некоторые черты автономии, играя роль органов местного самоуправления (см.: Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т. 14. С. 225). Народное собрание было также и у англосаксов и называлось витенагемот (Witenagemote или Witenagemot, букв. значит собрание мудрых). В период так называемой гептархии каждое англосаксонское королевство имело свой особый витенагемот, и только после объединения королевств под властью Вессекской династии витенагемот становится общим собранием всей страны. Выражая в своих постановлениях народную волю, витенагемот не был собранием народных представителей графств. Члены его — витаны — составляли 3 группы: 1) высшее духовенство — епископы и аббаты; 2) князья и эльдерманы и 3) *ministry* — королевские дружинники и придворные, состав которых в витенагемоте зависел от назначения короля. Витенагемоту принадлежало совместное с королем участие в законодательстве, как гражданском, так и церковном. Вместе с королем витенагемот решал вопросы войны и мира, обсуждал и утверждал договоры. Витенагемот разделял с королем право назначения епископов и эльдерманов. Согласие витенагемота было необходимо при назначении податей и при отчуждении государственной земли (*folkland*). Витенагемот имел право избирать королей, так как королевская власть у англосаксов всегда оставалась избирательной, хотя на деле выбор был ограничен одной фамилией, в пределах которой витенагемот мог предпочесть человека более достойного ближайшему наследнику. Витенагемот имел право низлагать королей

нельзя не признать институтом гражданского общества того времени. Еще в VI веке Прокопий Кесарийский, византийский писатель, секретарь полководца Велизария, писал: «...эти народы, славяне и анты, не имеют единой державы, но с древнейших времен живут в народоправстве; счастливые и несчастные случаи созывают их в общее собрание»².

При этом в исторической и юридической литературе нет единого мнения о происхождении данной дефиниции. В.И. Даль в вопросительной форме указывает на два варианта: «вещать» и «завет»³. Чрезвычайный посланник и полномочный министр при Александре I И.Е. Лизакевич в «Кратком очерке истории Новгорода» «вечный колокол» производит от «вечности», дословно «*VietZnoy ou éternelle*»⁴. Специалист по древнерусской литературе, русский эмигрант М.Ю. Шефтель указывает на «вече» (от «вещать», *parler*) как буквально означющее «парламент»⁵.

Порядок созыва народа на вечевой сход и порядок разрешения вопросов на нем описывает в своей работе «Лекции по древней русской истории до конца XVI века» ученик В.О. Ключевского, российский историк М.К. Любавский. Обычным способом созыва на вече был колокольный звон. Для этого особые колокола были повешены не только в Новгороде и Пскове, но и в Смоленске, Владимире Волынском, Суздале, Владимире и других городах, которые назывались «вечными» или «вечими»⁶. Также в исторической литературе говорится и о еще одном способе созыва ве-

и, наконец, был высшим судебным учреждением королевства, разрешая дела в последней инстанции и дела сторон, подлежащих непосредственно королевской юрисдикции (см.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. С-Петербург: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1892. Т. VIA (12). С. 567).

² Цит. по: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев: Типография Высоч. утвержд. Т-ва печатн. дела и торг. И.Н. Кушнарев и К^о. 1905. С. 53.

³ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.-М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т.1. С. 191.

⁴ См.: Lizakevitz J.G. Essai abregé de l'histoire de Nowgorod. Copenhagen, 1771. P. 65.

⁵ См.: Szeftel M. Russian Institutions and Culture up to Peter the Great. Variorum Reprints. London, 1975. Article IV. P. 339.

⁶ См.: Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд., доп. СПб.: Лань, 2000. С. 105.

че — через биричей (глашатаев). Созыв через колокол был наиболее демократическим, призывающим всех⁷. Местом собраний служили обширные дворы или площади около церквей или на рынках, могущие вместить значительную народную толпу. О том, как происходили сами совещания, сведений мало. Можно только сказать, что определенного, строгого порядка не было, не было ни очереди голосов, ни формулировки резолюций, ни вотума. В случае разногласий, а особенно в разгар борьбы партий, совещания принимали совершенно беспорядочный характер и решения не выносились правильно, а выкрикивались. Считалось, в принципе, что то или другое решение принимается «однодушно», «одними усты», причем это единодушие, как указывает М.К. Любавский, достигалось иногда и насильем, террором большинства над меньшинством или обратно⁸.

Об имевших место насильственных методах достижения целей веча указывает и В.О. Ключевский: «Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался иногда насильственным путем, с помощью драки: осилившая сторона и признавалась большинством (своеобразная форма поля, суда Божия). Иногда весь город разделялся, и тогда созывалось два веча, одно на обычном месте, на Торговой стороне, другое на Софийской, близ соборного храма»⁹.

Что касается распространенности веча на других территориях, то и на этот счет единого мнения в литературе по истории государства и права нет. Можно лишь утверждать, что, поскольку законотворческие полномочия принадлежали князю, претендовать на роль законодательного органа в Киеве вече не могло.

В Новгороде же, как вечевои республики с выборными властями, посадником и тысяцким, было несколько иное положение — он не испытывал в полной мере княжеской власти, характерной в то время для Руси, что, как следствие, создавало благоприятную среду для формирования демократических форм правления. Новгородское вече и было одной из таких демократических форм. Что касается компетенции новгородского веча, то и здесь в литературе нет единого мнения на этот счет,

причиной чему может являться непостоянство данного демократического института.

Русский историк права В.И. Сергеевич в своей работе «Русские юридические древности» относит избрание князей к предметам вedomства вечевых собраний, а также указывает, что народ не только осуществлял свое право призвания, но что ему было присуще и совершенно отчетливое осознание принадлежности ему этого права. Право это признают и князья. Князь в мирное время всегда вступал на престол с согласия народа, которое выражалось в крестном целовании и в торжественном возведении его народом на престол¹⁰.

Следующей функцией веча В.И. Сергеевич указывает законодательную. Он пишет, что самым обыкновенным выражением законодательной деятельности веча служил «ряд» с князем. Ряд в данном случае есть договор, заключенный народом с избираемым им князем. Факт избрания князя уже предполагает заключение с ним договора, в котором устанавливаются условия княжения. Соглашение народа и князя касалось: 1) общих вопросов управления и 2) некоторых частных, вызываемых особенной обстановкой данного случая. Соглашение этого рода, полагает В.И. Сергеевич, устанавливает полный порядок управления и суда¹¹. Собрание народа на вече специально с целью законодательства не было известно древнему времени, которому была чужда и сама мысль о том, что право может быть творимо человеческим усмотрением. Сравнительно позднему времени принадлежат такие памятники вечевого законодательства, как Новгородская и Псковская судные грамоты¹².

Заключительной функцией веча В.И. Сергеевич указывает вопросы об объявлении войны и заключения мира как наиболее важные вопросы древнего управления. Из двух способов ведения войны (собственными средствами при помощи дружинников и охотников и средствами волости при содействии всего населения) для войны собственными средствами князь не нуждался в согласии веча — он вел ее по собственному усмотрению и на свой страх.

⁷ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 57.

⁸ См.: Любавский М.К. Указ. соч. С. 105.

⁹ Ключевский В.О. Лекции по русской истории. СПб.: Типография В.О. Киршбаума, Дворц. пл. д. М-ва Финансов, 1902. Ч. 1. С. 237–238.

¹⁰ См.: Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Вече и князь. Советники князя. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. Т. 2. С. 73–74, 80.

¹¹ См. там же. С. 81, 86.

¹² См. там же. С. 93.

Для ведения войны второго рода нужно было согласие веча¹³.

Таким образом, так как народ собирался на вече в силу принадлежащего ему права решать общественные дела, которые еще не обособились от его частных и которые он рассматривал как непосредственно к нему относящиеся, то народ мог привлечь к своему рассмотрению всевозможные вопросы общественной жизни. Вечу принадлежала власть законодательная, правительственная и судебная¹⁴.

Изложенную позицию В.И. Сергеевича в части разделяет и профессор И.Я. Фроянов. Историк указывает, что летописные данные, относящиеся к XI в., рисуют вече как верховный демократический орган власти, развивавшийся наряду с княжеской властью. Оно ведало вопросами войны и мира, санкционировало сборы средств для военных предприятий, меняло князей. В письменных памятниках вече выступает в качестве распорядителя государственных финансов и земельных фондов¹⁵.

Наиболее важные и часто встречающиеся полномочия веча выделил на основе анализа обширного круга источников профессор О.В. Мартышин. В частности, он указывает: заключение и расторжение договора с князем; избрание и смещение посадников, тысяцких, владык; назначение новгородских воевод, посадников и воевод в провинции; контроль за деятельностью князя, посадников, тысяцких, владыки и других должностных лиц; законодательство, примером которого служит Новгородская судная грамота; внешние сношения, решение вопросов войны и мира, торговые соглашения с Западом; распоряжение земельной собственностью Новгорода¹⁶.

В конечном счете О.В. Мартышин приходит к выводу, что перечень полномочий веча и не может быть исчерпывающим, поскольку они определялись конкретными решениями самого веча и всесторонне охватывали жизнь новгородской земли¹⁷.

¹³ См. там же. С. 94

¹⁴ См. там же. С. 73.

¹⁵ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1980. С. 166.

¹⁶ См.: Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М. : Российское право, 1992. С. 175

¹⁷ См. там же. С. 176.

Интересное устройство новгородского управления описывает и крупнейший русский историк В.О. Ключевский. Город составлял *тысячу*, военный полк под командованием тысяцкого. Эта тысяча подразделялась на военные части, городские сотни. Каждая сотня со своим выборным сотским представляла особое общество, пользовавшееся известной долей самоуправления. Сотня не была самой мелкой административной частью города: она подразделялась на *улицы*. Каждая улица со своим выборным «улицким» старостой составляла также особый местный мир, пользовавшийся самоуправлением. Сотни соединялись в более крупные союзы, называвшиеся *концами*. Совокупная воля этих союзных миров выражалась в общем вече города¹⁸.

Таким образом, как мы видим, наличие в организации органов государственной власти Киевской Руси веча позволяло сохранять экономическую и политическую самостоятельность, а ее население — граждане, являлись носителями индивидуально-правового статуса, представляя собой общество свободных граждан. Эти граждане, проявляя политическую активность, имели реальную возможность принимать участие в управлении. Гражданское общество многоструктурно и одна из сфер его деятельности — политическая, имеющая своей целью защиту интересов граждан, обеспечение условий для реализации и самоорганизации личности. Наличие института веча, как института народного самоуправления в древней и средневековой Руси, содействовало культурному развитию, формированию чувств свободы и гражданственности, причастности и небезразличия к судьбе своего государства.

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Киев : Типография Высоч. утвержд. Т-ва печатн. дела и торг. И.Н. Кушнарв и К°. 1905. — 696 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль СПб.-М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т.1. 812 с.
3. Ключевский В.О. Лекции по русской истории / В.О. Ключевский. СПб. : Типография

¹⁸ См.: Ключевский В.О. Лекции по русской истории. СПб. : Типография В.О. Киришбаума, Дворц. пл. д. М-ва Финансов, 1902. Ч. 1. С. 235–236.

- В.О. Киришбаума, Дворц. пл. д. М-ва Финансов, 1902. Ч. 1. 406 с.
4. Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд., доп. / М.К. Любавский. СПб. : Лань, 2000. 480 с.
  5. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики / О.В. Мартышин. М. : Российское право, 1992. 384 с.
  6. Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Вече и князь. Советники князя / В.И. Сергеевич. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1900. Т. 2. 664 с.
  7. Советская историческая энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1973. Т. 14. 524 с.
  8. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И.Я. Фроянов. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1980. 243 с.
  9. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. С-Петербург : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1892. Т. VIA (12). 473 с.
  10. Lizakevitz J.G. Essai abrege de l'histoire de Nowgorod. Copenhagen, 1771. 183 p.
  11. Szeftel M. Russian Institutions and Culture up to Peter the Great. Variorum Reprints. London, 1975. 374 p.

Сводный судебник 1606–1607 гг.

*Яхьяев Муслим Русланович,
преподаватель кафедры общеобразовательных и правовых дисциплин
Северо-Кавказского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции (ВГУЮ)
(РПА Минюста России)
kafedra-igrp@yandex.ru*

В статье рассматривается содержание Судебника 1606–1607 гг. Перед законодателями стояла задача восстановить пошатнувшееся в период опричнины правосудие, в связи с чем основное внимание было сосредоточено на вопросах, связанных с судоустройством и судопроизводством. Серьезное внимание было уделено пресечению взяточничества во всех судебных инстанциях, со стороны судебных работников и борьбе с ложными доносами. Законодатели ввели в Судебник весь нормативный материал, принятый во второй половине XVI — начале XVII вв., используя при его систематизации новую юридическую технику, разделив все законодательство на грани, а их, в свою очередь, на главы, каждая из которых посвящалась определенной проблеме или регулировала комплекс близких по содержанию отношений. В статье показано, что, несмотря на рецепцию многих норм прежнего законодательства, Судебник 1606–1607 гг. представлял собой самостоятельный и оригинальный этап в развитии отечественного права.

Ключевые слова: Судебник, судоустройство и судопроизводство, земский дьяк, подьячий, недельщик, губной староста, наместник, волостель.

The Comprehensive Law Code of 1606–1607

*Yakhyaev Muslim R.,
Lecturer of the Secondary and Legal Disciplines Department at the North Caucasian Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice (ARSUJ)
(Russian Law Academy of Ministry of Justice of Russia)*

In this article the content of the Law Code of 1606/07 is considered. The legislators' task was to restore the justice wavered during the Oprichnina period, and, in this connection, special emphasis was placed on issues of the court and legal proceedings organizing. Close attention has been given to suppression of judicial employees' bribery in all judicial instances and struggle against false denunciations. The legislators entered in the Law Code all normative materials accepted in the second half of the XVI and early XVII century using for its ordering a new legal technique of dividing all the legislation in tables, and them, in their turn, in chapters, each of which was devoted to a certain issue or governed a set of relations of similar content. It is shown in the article that, despite of receiving many norms of the former legislation, the Law Code of 1606/07 represented an independent and original stage of the Russian law development.

Key words: Law Code, court and legal proceedings organizing, zemstvo clerk, scrivener, weekly bailiff, crime warden, borsholder, governor.

В 1606–1607 гг. был принят новый Судебник, известный в науке как Сводный. А.А. Зимин отмечает, что в нем соединилось «воедино русское законодательство второй половины XVI — начала XVII вв.»¹.

Имя автора Судебника или канцелярии, из которой он вышел, не установлено. Л.В. Черепнин полагает, что он был издан в последние месяцы царствования Лжедмитрия I или в начале царствования Василия Шуйского². Составитель Судебника 1606–1607 гг. поставил задачей включение в его содержание норм, появившихся после выхода Судебников 1550 и 1589 гг.; сведение их в единую систему в целях предоставления судам возможности руководствоваться современными на текущий момент законами.

Сводный судебник 1606–1607 гг. отличался более высокой юридической техникой и систематизацией правового материала, который распределялся по граням (всего 25 граней), а грани в свою очередь подразделялись на главы, каждая из которых посвящалась определенной проблеме или регулировала комплекс близких по содержанию отношений³.

Источниками Судебника 1606–1607 гг. были: Судебники 1497, 1550 и 1589 гг.; Уставная книга разбойного приказа 1555–1556 гг., а также блок царских указов и приговоров, вышедших за период с 1550 по 1606 г. Обращение к этим документам свидетельствовало о продолжении кодификационных работ в русском законодательстве.

К сожалению, и до настоящего времени историография Сводного судебника насчитывает только единичные работы по его изучению. В историко-юридической литературе

вообще отсутствуют исследования, касающиеся выяснения особенностей развития судоустройства и судопроизводства по Сводному судебнику 1606–1607 гг.⁴ Между тем Судебник 1606–1607 гг. представляет серьезный интерес для историков права, так как является одной из первых попыток систематизации юридических актов России по состоянию на начало XVII века, свидетельствующих о об определенных успехах, достигнутых его составителями, в кодификационных работах.

Значительное место в нем отведено вопросам судоустройства и судопроизводства. Глава первая первой грани содержит перечисление центральных судебных органов: Высший суд в государстве находится в руках «царя и великого князя... бояр и окольничих, дворецких и дьяков» (1.1). Затем следуют судьи приказов, также упоминаемые в этой же главе (1.7).

В качестве носителей судебных полномочий на местах названы выборные должностные лица местного самоуправления: губные старосты и земские судьи (3.111).

Сохранялись суды наместников и волостелей как с правом окончательного вынесения решения (приговора), так и без него, но они имели те же ограничения в своих полномочиях, что и в Судебниках 1550 и 1589 гг. На суде кормленщика обязательно присутствие старосты, лучших людей и целовальников. В том случае, если «наместнику дан в кормление город с волостями или ему даны волости в кормление, в которых волостях наперед сево старост и целовальников не было, — ныне в тех во всех волостях быти старостам и целовальком. А случитца кому ис тех

¹ Зимин А.А. Предисловие к Судебнику 1606/07 гг. // Памятники русского права. М.: Госюриздат, 1956. Вып. IV. С. 479. Все ссылки на статьи Судебника 1606–1607 гг. здесь и далее даны по изданию «Памятники русского права» (далее — ПРП) вып. IV. С. 483–542.

² См.: Предисловие к вып. IV ПРП. С. 39.

³ А.С. Смыкалин называет этот принцип расположения законодательного материала «троичным», при котором нормативный материал распределен следующим образом: «статья, глава, грань... статьи собраны в главы, а однородные главы в разделы» (Смыкалин А.С. История возникновения и специфика Судебника 1606–1607 гг. // Русское законодательство конца XVI — начала XVII вв. Судебник 1589 г.; 1606–1607 гг. Екатеринбург, 2005. С. 89).

⁴ В дореволюционной исторической и историко-юридической литературе имеются упоминания об этом Судебнике в трудах М.М. Щербатова и И.Н. Болтина. В 1918 г. К.Ф. Калайдович и П.М. Строев опубликовали «Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами», включив в это издание и Сводный Судебник, отметив при этом, что в нем не содержится существенных отличий от других сводов законов. При этом содержание Судебника 1606–1607 гг. не анализировалось. В советский и современный периоды публикация Судебника 1606–1607 гг. была осуществлена в IV выпуске ПРП (1956) и А.С. Смыкалиным: Русское законодательство XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2005. С.89–154.

волостей перед наместником или перед его тиуном искати или отвечать — и в суде быти у наместников, и у волостей, и у тиунов тех волостей, старостам и целовальником, и которые волости хто ищет или отвечает, а судные дела писати земскому дьяку то же волости. А без старост, без целовальников наместником и волостелем, за которыми кормление з боярским судом и без боярского суда, и их тиуном також не судити...» (10.68).

Всем судьям предписывалось все дела судить по «сему Судебнику... с которого дни [царь] уложил». Прежние дела («суженые и не суженые»), но возникшие до принятия Судебника, должны быть рассмотрены «как дела преж сего вершены», т.е. весьма четкая формулировка правила: закон обратной силы не имеет (1.96). В случае отсутствия соответствующих статей, необходимых для разрешения какого-либо дела («не написаны»), восполнение пробела в законодательстве возможно только принятием новой нормы в установленном порядке: «С государева докладау и всех бояр приговору» (1.97). Таким образом, здесь содержится четкое подтверждение нормативных актов, изложенных в статьях 97 и 98 Судебника 1550, предусматривающих порядок принятия законов, наделяющих Боярскую думу законодательными полномочиями.

Судебник содержал определенные демократические новации в уголовном и уголовно-процессуальном праве: в нем был изложен принцип о необходимости рассмотрения каждого дела в судебном порядке, определении наказания только по приговору суда, вынесенного на основании закона, и в соответствии с тяжестью преступного деяния. В содержании этих статей наблюдается воспроизведение текста Подкрестной (Крестоцеловальной) записи Василия Шуйского (1606 г.).

Классификация преступных деяний особых новелл не содержала. Политические преступления, предусмотренные главою 9 гл. 61, близки по составам, упоминаемым в предыдущих Судебниках. Но по сравнению с более поздним Судебником 1589 г. из текста исчезает «конево вор», вписанный в эту статью Судебником 1589 г. Материальная ответственность за эти виды преступной деятельности, предусмотренная Судебником 1550 г., полностью сохраняется (см.: Судебник 1550 г. Ст. 61).

В числе преступлений против личности и имущества названы: разбой татьба и душе-

губство. К новому составу, но уже упомянутому в Судебнике 1589 г. (ст. 112), относилось мошенничество, предусматривавшее наказание для мошенника (битье кнутом), но отказ в возмещении ущерба для потерпевшего, которому советуется: «не мечися на дешевое».

Особо выделялись должностные преступления, совершаемые судебными работниками всех рангов.

В Судебнике 1606–1607 гг. приняты суровые меры по борьбе со взяточничеством. Судебным чиновникам всех уровней предписывалось «судом не мстити, ни дружити никому, и посулу в суде не имати. Такоже и всякому судье посулу в суде не имати» (1.2). Наказанию подлежали не только судьи и судебные чиновники за взятку (посул), но и взяточдатели, которых «велено проклинати по торгам на Москве и во всех городех Московские земли, и Новгородские земли и Тверские земли и по волостям, чтобы ищя или ответчик судьям и приставом посулов в суде не давали и не сулили...» (3.98). Наказание публичным позором предусматривалось также и Судебниками 1550 и 1589 гг. Судебник 1606–1607 гг. повторяет эти положения, увеличив территорию их действия. В других, более поздних документах, к сожалению, эта норма не воспроизводилась.

Большое внимание уделено ответственности не только судей, но и всех судебных работников (недельщиков, дьяков, подъячих, приставов, губных и земских старост, десятских, сотских и т.п.) за исполнение возложенных на них обязанностей.

Законодатель предусматривал неумышленное («бесхитростное») и умышленное («за посул») нарушение правосудия. В первом случае судьям «пени нет», а стороны возвращаются в первоначальное положение: «взятое отдати назад» (1.2). Во втором — при умышленном «неправосудии» все судебные работники несут ответственность: судья «посул возьмет и обвинит кого не по суду, а обыщется то в правду, — и на том боярине, или на окольном, или на дворецком, или на казначее, или на дьяке, взятии истцов иск, а пошлины на царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуды, и хоженое и правый десяток, и железное взяти втрое, а в пене, что государь укажет» (1.3)⁵.

⁵ Взятничество в судах было настолько распространено, что посещавшие страну

Одним из главных судебных работников являлся недельщик, от действий которого часто зависел исход дела, равно как и поимка преступников (татей и разбойников)⁶. Ответственность недельщика за выполнение порученных ему действий предусматривалась несколькими статьями. За взятку под судью недельщик наказывался торговой казнью, взысканием суммы взятки в тройном размере, а также лишением своей должности: «казнить торговой казнью, а посул на нем доправити втрое, да из недель его викинути» (1. 32). Если недельщик «пonorовит татю или разбойнику» «по посулу» и отпустит его, то на том «недельщике истцов иск доправити и казнити торговою казнью, да вкинути в тюрьму», а в казни (наказании). — *Прим. М.Я* «что государь укажет» (6.53). Недельщик во время исполнения своей должности мог задержать человека, подозреваемого в татьбе или грабеже

иностранцы (XVI — первая половина XVII вв.) свидетельствовали о невозможности решения дел в судах и Приказах без взяток. Барон Мейерберг, прибывший в Москву с дипломатической миссией, был потрясен открытым мздоимством судей, которые «приговоры продают с торга», закрывают глаза «на покупных свидетелей» и решают все дела в пользу той стороны, которая больше принесет, «притупляя тем самым лезвие правосудия, подставляя под удары его золотые щиты» (Мейерберг А. Утверждение династии. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С.75). Рафаэль Берберини, представлявший в Москве Венецианскую республику (по торговым делам), был крайне удивлен тем, что без солидных взяток он не мог решить ни одного дела. «Корыстолюбие их [чиновников] простирается до такой степени, что если не подарить им чего-нибудь, нельзя ничего получить, ни совершить никакой с ними сделки» (Барберини Рафаэль. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Московское государство XV—XVII вв. А. : Лениздат, 1986. С. 60).

⁶ При недельщике для оказания ему помощи по этому Судебнику предусматривалось «семь ездовых» (6.47), за которыми он должен иметь надзор, чтобы они справляли службу только в тех городах и волостях, которые значатся за этим недельщиком. «А которого ездока поймают, а он ездит в том же городе от иного недельщика и того недельщика казнити торговою казнью, да вкинути в тюрьму». Деятельность ездовых ограничивалась и сроком службы каждого недельщика, у которого они находились в подчинении (6.47).

(арестовать), но отпустить его без доклада судье не имел права: «Ему татей без докладау на поруку не давати и не спрадати»(6.54).

Губным старостам также предписывалось делать все дела «в правду, по государеву цареву и великого князя указу ... другу не дружити, а недругу не мстити...» (3.111). В случае нарушения ими своих обязанностей они должны быть наказаны «без милости» (3.112).

В целях обеспечения правосудия большое значение придавалось правильному оформлению протокола («судного списка»). За его достоверность несли ответственность судьи, земские дьяки и подьячие. Если дьяк «судный список» напишет «не по суду не так, как на суде было», то кроме денежного взыскания его ожидает еще и тюремное заключение (1.4). Подьячий за такую же провинность наказывается торговой казнью и тюремным заключением. Причем обычно срок тюремного заключения не указывался, а санкция формулировалась неопределенно: «вкинути в тюрьму» (1.5). Сторона, требующая пересуда, ссылавшаяся в качестве повода на «оболживание» протокола, при отсутствии подтверждения своих обвинений подвергалась ответственности в виде денежного штрафа⁷.

Законодатель принял меры предотвращения судебной волокиты, для чего приказным судьям предписывалось «жалобников своего приказа от себя не отсылать, а давати ему жалобникам своего приказу всем управу. А которому будет жалобнику без государева ведома управы учинить не мочно — ино челолюбие его сказать царю государю». Приказным судьям, которые «не учинили управы» по своему приказу, «быти от государя в великой опале». Но если жалобник «бьет челом не по делу, и бояре ему откажут», а он продолжает им «бездельно докучати», то «того жалобника вкинути в тюрьму» (1.27). Подьячему рекомендовалось «у себя дел некоторых не держать... А вымут у подьячего список, или дело за городом, или на подворье — и тот список взяти на дьяке, а подьячего казнити торговой казнью, да выкинуть из подьячих, и ни у кого в подьячих [ему] не быти» (1.28). Статья воспроизводит текст ст. 41 Судебника 1550 г.

На истцов и ответчиков также возлагалась обязанность являться в суд «к сроку». В том случае, если кто-либо из них «на тот срок не

⁷ Такая же статья содержится и в Судебнике 1589 г. (ст. 101).

станет» перед судом, то с него будут взысканы все убытки по делу, оплата пошлины и возмещение потерпевшей стороне ее расходов, в связи с затяжкой дела, включая его затраты по пребыванию в месте расположения суда «из расчета на человека на голову на день по три деньги» (7.8).

Судебные документы необходимо вручать сторонам во время и без волокиты: «Бессудные и правые грамоты давати за сто верст семым днем, а после из того же расчету...» (2.42)⁸.

Судьи и судебные работники, в свою очередь, защищаются законодателем от ложных обвинений. «А хто виноватой солжет на боярина, или на околыничево, или на дворецкого, или казначея, или на дьяка, или на подьячего, а обыщетца то в правду, что он солгал, и того жалобника сверх ево вины казнити торговою казнью, бити кнутъем, да вкинути в тюрьму» (1.6).

Судьям, дьякам, подьячим, недельщикам и другим судебным работникам устанавливалось фиксированное жалование из государственной казны, и любое поползновение «взять лишек» преследовалось в уголовном порядке (2.8). Подобное же положение распространялось на детей боярских «за котормы кормление», равно как и на всех других чиновников, получавших жалование из казны. В том случае если они «емлют деньги против денежного жалования», положенного им государем, то им грозило «бесчестье» и денежные взыскания в виде штрафов, причем не только им самим, но и членам их семей [женам] (5.26). Строгий контроль установлен и за взиманием судебных пошлин, определенных в твердом размере: «А кто возьмет лишек, и уличат его в том, и на том взятии втрое» (2.8; 2.32).

В области процессуальных норм при расследовании уголовных дел предпочтение отдавалось инквизиционному процессу. Судебный поединок [«поле»] и крестное целование, как виды доказательств, сохранялись, но в урезанном объеме (3.114) в основном в гражданском судопроизводстве. Законодатель в нескольких статьях указывал судьям на необходимость «вершения дел» «бес поля и бес целования». Внимание суда сосредотачивалось на таких видах доказательств, как показания свидетелей и письменные документы.

⁸ Такой же расчет выдачи судебных документов приводился и в ст. 90 Судебника 1589 г.

Как и в «Приговоре о губных делах» 1556 г., в Судебнике 1606–1607 гг. различаются три вида свидетельских показаний: «слух», «виденье» и «ведомо». Значение каждого из них учитывалось при проведении повальных обысков и при оценке доказательств судом, выносившим приговор или решение по делу.

В связи с распространением ложных показаний и ложных доносов законодатель принял ряд мер к их пресечению, почти дословно воспроизводя статьи о ложных показаниях и ложных исках, содержащихся в «Приговоре о разбойных делах» (1555); «Приговоре о губных делах» (1556); «Приговоре о лжесвидетельстве и ложных исках» (1582) и Судебнике 1589 г. Причем сведения из этих нормативных актов собраны в одной грани и систематизированы.

Законодатель обратил внимание и на технологию проведения обысков: показания свидетелей, уличающие подозреваемое лицо, должны быть получены от каждого из них лично, а «за очи обыскных людей не писати» (3.102). За «лживые речи» во время проведения повальных обысков Сводный судебник возлагал ответственность не только на лжецов-крестьян, но и на их владельцев: бояр и дворян, допустивших подобный недосмотр за своими людьми (3.109). В случае расхождения показаний людей в одном обыске предлагалось принимать решения по большинству голосов⁹.

⁹ «Скажут в обысках обыскные люди не одне речи, иные люди говорят по ищее, а иные по ответчике, в обыску скажут болши, людей человек пятьдесят или шестьдесят, и по тому болшему обыску ищею или ответчика оправити, а по меньшому обинити бес поля и бес целования». Но после завершения обыска с таким существенным разногласием требовалось проведение дополнительных следственных действий, с тем чтобы «сыскать и разведать правду» и дознаться с помощью уважаемых людей местности (владыко, архимандрит, игумен), «которая [половина] солгала, и по тому лживых казнити по приговору, как и в розбойных делах» (3.104). Законодатель, обосновывая применение таких жестких санкций к «солгавшим», но не совершившим никаких преступлений людям, принимает во внимание санкции, предусмотренные «Приговором о лжесвидетельстве и ложных исках» (1582), предписывавшие ябедников, клеветников и всех лжецов «не щадити» и всех тех, кто в суде будет говорить не по делу, «бив кнутом от суда отослать», «за-

При подозрениях, возникавших у губных старост, в не простом лжесвидетельстве, а наличии заговора, когда люди «семьями... говорят неподельно», замышляя что-либо против государя, предлагалось немедленно «о тех людях... отписати государю» (ст. 218).

Судебник 1606–1607 гг., следуя «Приговору о разбойных делах» 1555 г., запрещал примирение сторон по разбойным и татинным делам, допуская возможность мировых сделок только по гражданскому судопроизводству (2.31) и мелким уголовным правонарушениям «в бою (драке), лае (оскорблениях)».

Порядок обжалования судебного решения (приговора) изложен в главе 51 грани 6: «А пересудчиком пересуду имати на виноватом по две гривны, а менши рубля пересуду нет, а с поля со всякого пересуд. А список хто оболживит да шлетца на правду, и в том пересуд, а подвойским правого десятка четыре деньги имати на виноватом».

Судебник регламентировал также и исполнение приговоров и решений с указанием процедуры проведения правеха и сроков стояния на нем, предусмотренных «Приговором о губных делах» (1556).

При рассмотрении дел о холопах Судебник 1606–1607 гг. обращался к Указной книге холопьяго суда, в которой были систематизированы все нормы о холопах, принятые правительством с 1597 по 1606 г. Сроки крестьянского выхода подтверждались по прежнему законодательству: «по Юрьеве дни осеннем» с определением размера выплатной суммы — пожилого (15.87)¹⁰.

писать в казаки в украинные города: в Севск и в Курск». В более тяжких случаях оговора, обвинявших какого-либо человека, в разбое или душегубстве, или даже заговоре против государя, при отсутствии подтверждения этих сведений, предлагалось самого лжеца казнить смертной казнью («а назовет кто кого вором, а смертного убийства, или крамолы или мятежа на царя — государя не доведет, то того самого казнить смертью для того: в жалобе и в суде не лай») (ПРП. Вып. IV. С. 521).

¹⁰ По-видимому, в этой статье получили отражение указы Бориса Годунова 1601–1602 гг., изданные в голодные годы, разрешавшие крестьянам «выход» от своих господ, впоследствии подтвержденные Указом Лжедмитрия I. Но в Сводном судебнике имелись и добавления к этим законодательным актам: за ушедшим крестьянином сохранялся его посев («рожь в земле») с обязательством

Сводный судебник ввел правило, установленное Указом Лжедмитрия I, «о возвращении прежним владельцам беглых крестьян, кроме ушедших в голодные годы от бедности» от 1. II. 1606, соответственно которому крестьяне, бежавшие в голодные годы от владельцев из-за невозможности прокормиться («сшол от бедности и животов у него не было ничево»), не подлежали возврату их прежним хозяевам, а «оставались жити за тем, хто его голодное время перекормил». Крестьяне, оставившие хозяев в поисках лучшей доли, подлежали возврату прежним владельцам (24.168).

Таким образом, можно заключить, что Сводный судебник уделил серьезное внимание восстановлению правосудия, пошатнувшегося за годы опричнины, объявил борьбу со взяточничеством в суде, всеми видами ложных доносов, включая и «лживый обыск». В правовое русло было введено и исполнительное производство по приговорам и решениям судов.

В связи с этим можно сказать, что Сводный судебник 1606–1607 гг. предпринял попытку законодательно урегулировать политику государства в области правосудия, уделив большое внимание его организации и управлению.

Несмотря на рецепцию многих норм предшествующего законодательства, в Сводном судебнике содержались и новые нормативные правила, а также были использованы приемы систематизации законодательства, неизвестные ранее, так что он представлял самостоятельный и оригинальный этап в развитии отечественного права.

Литература:

1. Барберини Рафаэль. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. / Рафаэль Барберини // Московское государство XV–XVII вв. Л. : Лениздат, 1986. С. 60.
2. Зимин А.А. Предисловие к Судебнику 1606/07 гг. / А.А. Зимин // Памятники русского права. М. : Госюриздат, 1956. Вып. IV. С. 479.
3. Мейерберг А. Утверждение династии / А. Мейерберг. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 75.
4. Смыкалин А.С. История возникновения и специфика Судебника 1606–1607 гг. / А.С. Смыкалин // Русское законодательство конца XVI — начала XVII вв. Судебник 1589 г. 1606–1607 гг. Екатеринбург, 2005. С. 89.

«с того хлеба» заплатить только «подать цареву», а боярину, «за кем он жил», который не смог его прокормить, никакой уплаты с урожая со стороны крестьянина не полагалось.

Причины и характер злоупотреблений властью в России в XIX столетии

*Петров Юрий Иванович,
доцент кафедры таможенного права и организации таможенного дела
Юридического института Московского государственного университета
путей сообщения (МИИТ),
кандидат исторических наук, доцент
petrov52@ro.ru*

В статье анализируются должностные злоупотребления в XIX столетии, причины их возникновения и характер направленности. Показано влияние личных качеств первых лиц государства, а также отсутствие гласности на возникновение и развитие коррупции в стране.

Ключевые слова: коррупция, чиновник, злоупотребление властью, должностные преступления, взяточничество, реформа.

Causes and Character of Abusing Authority in Russia in the XIX Century

*Petrov Yuriy I.,
Assistant Professor of the Customs Law and Customs Affairs Organizing Department
at the Law Institute of the Moscow State University of Railway Engineering (MSURE),
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

In the article official abuse in the XIX century, their causes and character are analyzed. Effect of personal qualities of first persons in the state and lack of publicity on rise and development of corruption in Russia is shown.

Key words: Corruption, official, abusing authority, malfeasances, bribery, reform.

Должностные преступления при Петре I были обычным делом, но они карались сурово, и многие казнокрады кончали жизнь в Сибири или на эшафоте. Из указов, которые были приняты после смерти Петра Великого, ушли угрозы подвергнуть виновного имущественному разорению, суровому физическому наказанию или смертной казни. Эта воля первых лиц государства не могла не сказаться и на законодательстве о наказаниях за должностные преступления, в котором главным наказанием для чиновников стали денежные штрафы и увольнение с должности. Безусловно, что такие сдерживающие меры не могли остановить недобросовестных чиновников.

В правление Екатерины II происходит эволюция коррупционных преступлений и можно говорить уже о формировании новой модели злоупотреблений: системе коллективной коррупции. Преступления стали совершаться уже не только отдельными чиновниками, тщательно скрывавшими свои дела от коллег, а целыми группами служащих учреждения, которые были связаны круговой порукой и стремились общими усилиями скрыть свои дела от ревизоров, становясь коллективным нарушителем закона.

В 1775 г. Екатерина II создала новые органы финансового управления — губернские казенные палаты. И как оказалось, большинство злоупотреблений на губернском уровне были связаны с деятельностью казенных палат и совершались при непосредственном участии новых администраторов, назначенных на должности по выбору самой императрицы или тех лиц, которым она доверяла. Злоупотребления, охватившие во второй половине 1780-х гг. целый ряд губерний, Екатерина II считала болезнью роста новых учреждений, которая со временем должна прекратиться. Такой взгляд императрицы на совершаемые преступления объяснял мягкость наказаний и не способствовал искоренению злоупотреблений.

В 1777–1789 гг. были раскрыты крупные злоупотребления администраций в Рязанской, Олонецкой, Костромской, Саратовской, Иркутской, Астраханской, Тамбовской губерниях. Некоторые виновные были преданы суду, но большинство чиновников просто уволили, в том числе и нескольких губернаторов¹. Сенаторская проверка в Саратовской губернии выявила факты взяточничества и других на-

¹ См.: История Правительствующего Сената. Т. 2. С. 587, 598.

рушений в деятельности губернатора генерал-поручика И.И. Поливанова. После следствия Поливанов был уволен, но через год награжден орденом св. Александра Невского. Руководитель Кавказской губернии М.М. Жуков, обвиненный в злоупотреблениях, вначале также был уволен, однако через год его наградили чином тайного советника, в дальнейшем он стал сенатором. И таких примеров было немало².

Одной из причин совершаемых нарушений лицами, состоявшими на государственных должностях, Екатерина II считала низкий уровень их образования, и прежде всего специального юридического. Ею были предприняты некоторые преобразования на юридическом факультете Московского университета. Кроме того, она стала посылать молодых людей за границу для изучения права³. Однако причины злоупотреблений, приобретающие все более изощренные формы, были в другом, но их предпочитали не видеть.

Наследие в управлении государством, полученное Александром I, было удручающим. Еще за два года до вступления на престол он крайне негативно оценивал правление своей бабушки Екатерины II. «В наших делах господствует неизменный беспорядок, — писал он В.П. Кочубею 10 мая 1796 г., — грабят со всех сторон, все части управляются дурно, порядок кажется изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления...»⁴ Однако правление Александра I не дает оснований говорить о том, что им был извлечен урок из деятельности его предшественников. Если вначале он приближал к себе людей подобных М.М. Сперанскому, честных, заботящихся о государственных интересах, то в дальнейшем, приблизив к себе Аракчеева, он практически отгородился от тех здоровых сил, что были в обществе.

Пользуясь неограниченным доверием императора, Аракчеев широко эксплуатировал

казну, привлекая казенных людей к обязательным работам в своем частном хозяйстве. Еще при императоре Павле Аракчеев силами артиллерийских солдат выстроил себе дом в Грузино. Кутайсов, поссорившись с ним, донес об этом Павлу и было проведено расследование. Однако вовремя предупрежденный Аракчеев смог скрыть истинное положение дел, и императору доложили, что дом выстроен наемными людьми. В царствование Александра Павловича Аракчееву уже нечего было опасаться неприятностей по этой части, и произвольное корыстное распоряжение казенными людьми вошло у него в систему⁵.

Император Николай I, зная о злоупотреблениях в различных ведомствах и не полагаясь на сенаторские ревизии, сам ездил по России, знакомясь с деятельностью учреждений на местах. Часто он неожиданно появлялся то в одном месте, то в другом. И тем не менее его могучая рука не в состоянии была ввести «пламенно желанный» им порядок. По мнению Ю.В. Готье, император был ослеплен своим величием и могуществом, и это толкало его на ложный путь, он «смотрел на себя, как на всемогущего властелина, как на командира всероссийского армейского корпуса». В его представлении «живая воля может исходить только от него одного; все остальные люди и учреждения призваны только повиноваться этой воле», отсюда стремление подбирать себе безличных и безответных сотрудников. За немногими исключениями, какими являлись Киселев, Уваров, Канкрин, все министры николаевского царствования были ничем иным, «как лишенными всякой инициативы манекенами, придворными льстецами, подлаживавшимися под вкусы повелителя, или военными, в которых чувство дисциплины вытеснило все остальные»⁶.

В период правления Николай I в обществе функционировала традиционная неформальная система подкупа и протекций. Богатство и власть активно влияли на отправление правосудия. Панин, будучи министром юстиции, сам был вынужден дать взятку в сто рублей надсмотрщику в Петербургской гражданской палате, чтобы ускорить оформление рядной записи в пользу своей дочери. Если в первые годы своего

² См.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 473.

³ См.: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. М., 2011. С. 189.

⁴ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 28.

⁵ См.: Кизеветтер А.А. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. М., 2006. С. 324.

⁶ Готье Ю.В. Император Николай I // Три века. Т. 5. М., 1995. С. 315.

пробытия на посту министра Панин пытался противостоять вмешательству власть имущих в дела юстиции, то затем, дорожа своей должностью, он научился улаживать лиц из ближайшего окружения царя и выполнять их желания, а его внешняя суровость предназначалась для тех, кто не имел высокого покровительства⁷.

Еще более неприглядная картина наблюдалась в губерниях, где у местных правителей были большие возможности использовать служебное положение в своих интересах. Подавляющее большинство служащих находилось на весьма невысоком уровне умственного и нравственного развития. Контроль из центра носил формальный характер и на бумаге имел внушительный вид, но фактически каждое должностное лицо, особенно из нижних чинов, действовало бесконтрольно. Гласность как форма контроля была строго осуждена. По мнению правительства, казнокрад и беззаконник меньше способствовал снижению престижа власти, чем тот, кто их обличал. Самые строгие меры, применявшиеся внезапно правительством, не содействовали победе над злом. Все чаще повторявшиеся сенаторские ревизии открывали массу злоупотреблений, и виновные иногда целыми шайками изгонялись со службы⁸.

После смерти Николай I академик А.В. Никитенко в своем дневнике записал: «Теперь только открывается, как ужасны были для России прошедшие 29 лет. Администрация в хаосе; нравственное чувство подавлено; умственное развитие остановлено; злоупотребления и воровство выросли до чудовищных размеров. Все это плод презрения к истине и слепой веры в одну материальную силу»⁹.

Наступила новая эра. Государство возглавил Александр II, мало подготовленный к роли реформатора, но волею обстоятельств вынужденный взяться за преобразования в государстве. Были сделаны первые шаги: началась крестьянская реформа, появились земства, в налогообложении откупную систему заменили акцизы. Но и по прошествии десятилетия А.И. Кошелев, один из лидеров славянофилов, писал: «Взяточничество, личные денежные расчеты, обход законных путей прео-

долели в Петербурге до крайних пределов. Все можно достигнуть, и вместе с тем в справедливейшем, в законнейшем можно получить отказ... Безнравственность, бессовестность и бессмыслие превзошли все мошенничества и нелепости губернских и уездных чиновников. Надо пожить в Петербурге и иметь там значительные дела, чтобы изведать всю глубину и ширь беспутства центральной нашей администрации»¹⁰.

Конечно, Александр II стремился искоренить коррупцию в государственном аппарате. В реформе судебной системы в 1864 г. он пытался сделать правосудие независимым, а закон обязательным для всех, в том числе для монарха и тех, кому он делегирует свои полномочия. Мысль о необходимости устранить коррупцию в судебной системе неотступно преследовала реформаторов, осознающих, что реформа состоится, только если будет обеспечена честность судей. Судьи сделались несменяемыми, значительно повысили им жалованье, обеспечив их материальное благополучие. От должности они отстранялись только в случае взяточничества при исполнении служебных обязанностей¹¹. За десять лет, прошедших после Крымской войны, суд был выведен из своего жалкого состояния, в котором он прибывал в николаевскую эпоху, и возвеличен как гарант будущего прогресса и процветания империи. Г.А. Джаншиев отмечал, что «громадное культурное значение эпохи великих реформ заключается в том, что она оставила России учреждения или зачатки учреждений и начинаний, которые страна не без некоторой национальной гордости может показать цивилизованным народам. 20–30 лет тому назад никто не хотел верить в Европе, чтобы в России человек с деньгами мог быть осужден за доказанные преступления уголовным судом. Наш суд присяжных и новая судебная магистратура смыли с России упрек повального взяточничества в судах, и как ни далеки еще от совершенства наши суды, но русскому патриоту не приходится за них краснеть при сравнении их с европейскими учреждениями»¹².

Реформы Александр II дали России не только цивилизованные суды. Появилась свобода печати; открылось широкое поле для общественной

⁷ См.: Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 329.

⁸ См.: Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. М., 2002. С. 151–152.

⁹ Цит. по: Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. М., 2002. С. 176.

¹⁰ Цит. по: Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. М., 2002. С. 179.

¹¹ См.: Каррер Д., Анкос Э. Александр II. Весна России. М., 2010. С. 135.

¹² Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Т. 2. М., 2008. С. 409.

самодеятельности; появились земства, акционерные компании, частные банки, множество школ, довольно широкая свобода научной деятельности; была отменена рекрутчина и введена всеобщая воинская повинность. Вместе с тем в 1877–1878 гг. в войне с Турцией Россия вновь оказалась в незавидном положении. Снова появились проделки интендантства, скверные госпитали, плохие пути сообщения и плохое вооружение. Э.Н. Берендтс, посвятивший долгие годы исследованию правительственных администраций, пришел к выводу, что ни та или другая правительственная система является виновницей успеха или неуспеха в государственной жизни, а низкая или высокая степень общественного умственного и, еще более, нравственного развития¹³.

Сегодня для нас актуально звучат слова известного в конце XIX в. журналиста Н.И. Греча, сказанные им более ста лет назад: «У нас злоупотребления срослись с общественным нашим бытом, сделались необходимыми его элементами. Может ли существовать порядок и благоденствие в стране, где из 60 миллионов нельзя набрать 8 умных министров и 50 честных губернаторов, где воровство, грабеж и взятки являются на каждом шагу, где нет правды в судах, порядка в управлении, где честные и добродетельные люди страждут и гибнут от корыстолюбия и бесчеловечия злодеев, где никто не стыдится сообщества и дружбы с негодями и подлецами, только бы у них были деньги, где ложь, обман, взятки

считаются делом обыкновенным и нимало не предосудительным...»¹⁴

Ретроспективный взгляд на злоупотребления чиновников властью в России в XIX в. и на меры противодействия им в какой-то степени дают нам ориентиры в выборе вектора преодоления этого зла, непомерно разросшегося сегодня.

Литература

1. Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации / Э.Н. Берендтс. М., 2002.
2. Готье Ю.В. Император Николай I / Ю.В. Готье // Три века. М., 1995. Т. 5.
3. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ / Г.А. Джаншиев. М., 2008. Т. 2.
4. Каррер д' Анкос Э. Александр II. Весна России / Э. Каррер д' Анкос. М., 2010.
5. Кизеветтер А.А. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии / А.А. Кизеветтер. М., 2006.
6. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II / А.С. Лаппо-Данилевский. М., 2011.
7. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы / Л.Ф. Писарькова. М., 2007.
8. Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Р.С. Уортман. М., 2004.

¹³ См.: Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. М., 2002. С. 153.

¹⁴ Цит. по: Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. М., 2002. С. 152.

Историко-правовые аспекты становления системы сельскохозяйственного просвещения в период Столыпинской реформы

*Книга Марина Давидовна,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Центрального филиала Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»,
кандидат исторических наук, доцент
cfrar@mail.ru*

В статье рассматриваются историко-правовые аспекты деятельности государства и негосударственных структур по внедрению в крестьянскую среду научного знания и рациональных методов хозяйствования. В соответствии с задачами Столыпинской реформы и с учетом малограмотности населения следовало найти доступные для крестьян и не очень затратные для государства формы распространения аграрных знаний. Анализируются просветительские проекты, осуществлявшиеся созданным в рамках реорганизованного министерства Департаментом земледелия. Исследуются различные подходы чиновников и местных органов самоуправления к проблеме трансляции знаний для различных категорий крестьян. Подчеркивается, что в период реформы для сельскохозяйственных обществ и опытных учреждений агропропаганда стала одним из главных направлений работы. Делается акцент на законодательстве, регулирующем деятельность основных субъектов аграрного просвещения: правительства, земств, сельскохозяйственных обществ и опытных учреждений. Изучаются нормативные правовые акты, относящиеся к проведению отдельных форм просветительских мероприятий. Утверждается, что активная правотворческая деятельность государственных органов стала важным фактором создания и развития системы сельскохозяйственного просвещения.

Ключевые слова: аграрная история, сельскохозяйственное просвещение, Столыпинская реформа, право.

Historical and Legal Aspects of Forming the Agricultural Education System during the Stolypin's Reform

*Kniga Marina D.,
Assistant Professor of the State and Law Theory and History Department
at the Central Branch of Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education Russian State University of Justice,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article considers historical and legal aspects of the activity of the state and non-state institutions on introduction of scientific knowledge and rational methods of managing to peasant environment. According to the aims of Stolypin's reforms and taking into consideration illiteracy of the population it was necessary to find available and inexpensive for the state the forms of distribution of agrarian knowledge for peasants. The author analyzes the educational projects carried out by the Department of Agriculture which was created within the reorganized ministry. Various approaches of the officials and local self-government institutions to a problem of broadcast of knowledge for various categories of peasants are investigated. It is emphasized that during reform for agricultural societies and skilled establishments agropropaganda became one of the main directions of work. The emphasis is placed on the legislation, regulating activity of the main subjects of agrarian education: governments, zemstvos, agricultural societies and skilled establishments. The regulations relating to carrying out separate forms of educational actions are studied. It is claimed that vigorous law-making activity of government bodies became an important factor of creation and development agricultural education system.

Key words: agricultural history, Stolypin's reforms, agricultural education, law.

Целью Столыпинской реформы было обновление сельскохозяйственного производства и разрешение «аграрного вопроса» — источника массового недовольства.

На ее проведение «были направлены значительные финансовые средства, привлечен разветвленный землеустроительный аппарат, административная и полицейская власть...

вся реформа государственного управления»¹. Наряду с землеустроительной, кредитно-финансовой и переселенческой деятельностью важнейшей составляющей реформы стало сельскохозяйственное просвещение (в лексике того времени «агрономическая помощь»), главной целью которого было внедрение аграрно-научного знания в крестьянскую среду.

Сегодня перед Россией также стоят модернизационные задачи, и проблема рационального знания неожиданно для общества вновь стала актуальной до такой степени, что РАН была вынуждена создать специальную комиссию по борьбе с лженаукой. В связи с этим историко-правовые аспекты становления системы сельскохозяйственного просвещения в период столыпинских преобразований представляют научный и практический интерес.

Сельскохозяйственное производство в основных производящих регионах России сильно зависело от природно-климатических условий, что выражалось в неустойчивости аграрного производства и частых неурожаях. Накануне реформы на фоне относительного крестьянского перенаселения проблемы сельского хозяйства высветились особенно ярко. Визитной карточкой крестьянского хозяйства были: трехполье; нехватка органического удобрения; архаичная техника и технологии; нерациональное землеустройство; ограниченные финансовые возможности крестьянского хозяйства; общинная психология и крестьянский консерватизм. Архаичность крестьянского хозяйства активно обсуждалась в прессе: «бедность, беспомощность и темнота населения» (издание «Родной край»); «несомненно, сельское хозяйство в России стоит на очень низкой ступени развития» (издание «Наша газета»)². Все это стало тормозом на пути аграрного прогресса. На повестку дня встал вопрос модернизации аграрного производства — вопрос, который в условиях низкой агрокультуры решить было невозможно.

Структура Министерства земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ) перестала соответствовать новым задачам, и 6 мая 1905 г. на основании указа «Об учреждении Комитета по земельным делам и о преобразовании

Министерства Земледелия и Государственных Имуществ в Главное Управление Землеустройства и Земледелия» ведомство было кардинально реформировано³. В процесс сельскохозяйственного просвещения были вовлечены Департамент земледелия, Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики и Отдел земельных улучшений. Организационной и координацией образовательно-просветительной деятельности занимался Департамент земледелия, к компетенции которого относились вопросы руководства государственными учебными и научно-исследовательскими учреждениями, содействие аналогичным негосударственным заведениям и распространение аграрно-научного знания. Кроме того, при министерстве функционировали Сельскохозяйственный совет, который занимался разработкой просветительных проектов; и Ученый комитет, курировавший научные и технические вопросы.

В соответствии с вызовами времени следовало сделать эффективным сельское хозяйство, найдя соответствующие российским реалиям способы трансляции аграрно-научного знания. Модернизация происходила в условиях малограмотности крестьянского населения, склонности его хозяйствовать «по старинке» и недоверия ко всему новому. В этой ситуации нужно было найти доступные для крестьян и не очень затратные для государства формы распространения современных для того времени аграрных знаний. Такие формы работы были найдены в рамках сельскохозяйственного внешкольного образования. Ими стали публичные лекции, беседы, чтения, показательные участки и поля, консультации, передвижные выставки, экскурсии и другие мероприятия, которые демонстрировали сельским жителям преимущества передовых технологий и новой техники.

Первоначально главными организаторами просветительной деятельности были правительственные структуры. Еще в 1899 г. в штат сельскохозяйственного ведомства были введены должности уполномоченных по сельскохозяйственной части (впоследствии переименованных в инструкторов сельского хозяйства) и специалистов⁴. Их деятельность должна была носить «характер сельскохозяйственной

¹ Утенков Г.Н. Концептуальные идеи П.А. Столыпина: реформы государственного управления // История государства и права. 2013. № 1. С. 52.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 114. Л. 32об.-33.

³ См.: ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXV. Отд. 1. № 26172. С. 289–290.

⁴ См.: Высочайше утвержденное 26 мая 1904 г. Положение о сельскохозяйственном образо-

консультации в разнообразных формах: в виде указаний и советов как устных, так и письменных, в виде организации бесед и чтений по сельскому хозяйству, в заботах об издании и о распространении популярных книг и брошюр по вопросам местного сельского хозяйства, в виде помещения сообщений и заметок по разным отраслям сельского хозяйства в местных периодических изданиях и иным путем»⁵.

В 1904 г. было высочайше утверждено Положение о сельскохозяйственном образовании, однако к его реализации правительство приступило только с началом столыпинской реформы. Положение обозначило три уровня аграрного образования: низший, средний и высший. Примечательно, что мероприятия аграрно-просветительной направленности, проводимые вне образовательных заведений, получили свое юридическое закрепление; в правовом акте они именовались «учебными установлениями». Положение конкретизировало некоторые формы «учебных установлений («классы, курсы, чтения и беседы») и расширило перечень их организаторов, помимо государства: «Кроме того, отдельным лицам, обществам и учреждениям разрешаются народные чтения по сельскому хозяйству и относящимся к нему отраслям знания»⁶.

Однако успех сельскохозяйственного просвещения в значительной мере зависел от того, насколько активное участие примут в этом процессе местные силы. Понимая значимость этой сферы, органы местного самоуправления энергично включились в аграрно-просветительную работу, а результатом их деятельности на этом поприще стало появление особого феномена — земской агрономии. На пути к продуктивному сотрудничеству правительства и земству пришлось преодолеть немало трудностей, ибо вначале чиновники все силы бросили на помощь единоличникам, общинники же остались без должного внимания. После горячих дебатов земства избрали другую тактику: они выступали за оказание помощи и хуторянам, и общинникам. Их предложения заключались в следующем: всем крестьянам, независимо от формы земельной собственности, необходимо обеспечить равный доступ к

научной информации и предоставить им право самостоятельного выбора формы хозяйствования⁷. Земская агрономия прошла путь от разовых начинаний до организации масштабных мероприятий по трансляции сельскохозяйственных знаний. Поиски оптимальных методов передачи аграрно-научной информации привели к появлению оригинальных организационных форм земской агрономии: агрономических организаций и участковой агрономии.

Взаимоотношения правительства и земств в начале XX в. строились на основе принятого в 1890 г. Положения о земских учреждениях, которое более последовательно, нежели Положение 1864 г., защищало публично-властные отношения: государство в лице губернатора и губернского по земским и городским делам присутствия контролировало исполнительную деятельность земств. В этом документе функция сельскохозяйственного просвещения была сформулирована для земств как второстепенная: «воспособление местному земледелию»⁸. В начальный период реформы все внимание властей было сосредоточено на землеустройстве, как главном направлении реформы, и форсировании выполнения указа 9 ноября⁹: «Никакая медленность... по применению закона терпима быть не может»¹⁰. Отношение к агрономам со стороны правительственных чиновников было крайне отрицательным, так как опасались проникновения в деревню вместе с агрономом революционных идей. Так, агроном С. Фридолин нарисовал картину приема на работу. Работодатель в первую очередь уточнял: «А Вы не социалист?»... И не успел я что-либо ответить, как другой... член управы... ответил за меня: «Ну, какой же агроном не социалист?»¹¹

Статус агронома резко изменился после телеграммы Столыпина (1909), в которой он призвал земства незамедлительно оказать единоличным крестьянам помощь в организации рационального хозяйства. Если до ука-

вании и его применение / сост. И.И.Мещерский. СПб., 1911. С. 132.

⁵ Цит по: Агрономическая помощь в России / под ред. В.В.Морачевского. СПб., 1914. С. 135.

⁶ ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXIV. Отд. 1. № 24628. С. 546.

⁷ См.: Веселовский Б. История земства. Т. 4. СПб., 1911. С. 121–122.

⁸ ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. X. Отд. 1. № 6927. С. 493–511.

⁹ См.: ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. 1. № 28528. С. 970–974.

¹⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. 5 делопроизводство. Д. 48. Л. 204.

¹¹ Фридолин С.П. Исповедь агронома. М., 1925. С. 43.

заний Столыпина слово «агроном» было синонимом слов «бунтарь и «крамольник», то после широкой огласки содержания телеграммы оно стало ассоциироваться с почетом и уважением¹². По словам самарского губернатора В.В.Якунина, земства отреагировали на телеграмму незамедлительно и подготовили план конкретной помощи крестьянам¹³. Так агрономическая помощь из второстепенной функции земств превратилась в одну из главных и в дальнейшем финансировалась правительством и органами местного самоуправления на паритетных началах.

Большую работу на местах проводили и сельскохозяйственные общества. Они осуществляли свою деятельность на основе ряда правовых актов, среди которых Устав сельского хозяйства¹⁴, именной высочайший указ «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г.¹⁵, Нормальный устав для мелких сельскохозяйственных товариществ от 18 ноября 1908 г.¹⁶ Издание Временных правил об обществах и союзах отменило ряд ограничений, присущих регулировавшему деятельность сельскохозяйственных обществ до революции 1905–1907 гг. Нормальному уставу 1898 г. Данные правила упростили процедуру учреждения сельскохозяйственных обществ в отдельных губерниях и ввели явочный режим их регистрации «без испрошения на то разрешения правительственной власти»¹⁷. «Лица, желающие образовать общество, — указывалось в правилах, — обязаны представлять письменное о том заявление губернатору или градоначальнику, который в случае встреченного им препятствия образованию общества передает заявление на рассмотрение губернского или городского по делам об обществах присутствия, Если в течение двух недель со времени получения заявления губернатором

или градоначальником лицам, подавшим заявление, не будет сообщено определение присутствия об отказе в удовлетворении заявления, с точным указанием оснований этого отказа, общество может открыть свои действия»¹⁸. В новом Нормальном уставе сельскохозяйственных товариществ (1908) впервые четко была прописана функция обществ осуществлять сельскохозяйственное просвещение. Некоторые нормы этого устава были подвергнуты новой редакцией в 1911, 1914 и 1915 гг.

При разработке и реализации образовательно-просветительной работы имел место актуальный и для современного этапа реформирования экономики момент: для поиска путей наиболее эффективной аграрной политики государства «необходимо опираться на представителей агрономической науки»¹⁹. В этом контексте важнейшую роль играли научно-исследовательские учреждения: опытные станции, поля, участки и показательные хозяйства. Именно они должны были соединить достижения науки с практикой.

Деятельность этих заведений регулировалась Положением об опытных учреждениях 1901 г.²⁰ Согласно ст. 2 «сельскохозяйственные опытные учреждения имеют целью производство научных и практических опытов и исследований в области агрономии и сельского хозяйства, в видах изыскания наилучших приемов ведения хозяйства и распространения их среди населения, а также для изучения мест геологических и климатических условий, имеющих влияние на сельское хозяйство». Станции делились на два разряда: станции первого разряда решали общетеоретические и методологические проблемы; станции второго разряда разрабатывали рациональные приемы возделывания сельскохозяйственных культур с учетом местных условий. Координация научно-исследовательской работы возлагалась на Департамент земледелия и Ученый комитет (ст. 3 и 50). Статьи 11–13, 15, 18–22, 28–29 Положения подробно определяли принципы взаимодействия ведомства земледелия и опытных учреждений. Важная роль отводилась опытным учреждениям в

¹² См.: Мацузато К. Столыпинская реформа и русский агротехнологический переворот. URL: <http://handle.net2115/8039> (дата обращения: 20.03.2015).

¹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д.61. Л. 310.

¹⁴ См.: Свод законов Российской империи : в 5 кн. Кн. 4. Т. XII. СПб., 1912. С. 304–373.

¹⁵ См.: ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. 1. № 27479.

¹⁶ См.: Нормальный устав мелких сельскохозяйственных товариществ 18 ноября 1908 года. Харьков, [Б.г.]. С. 1–8.

¹⁷ См.: ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXVI. № 27479. С. 201.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Пыльцина М.В. Проекты реформирования местных сельскохозяйственных органов в конце XIX в. // История государства и права. 2014. № 9. С. 35.

²⁰ См.: ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXI. Ч. 1. № 20150. С. 403–405.

деле организации публичных бесед, курсов по сельскому хозяйству; программы курсов и бесед утверждались лично министерством. Руководить работой показательных хозяйств и участков должен был специалист министерства (ст. 18). Долгосрочные и ежегодные планы и программы деятельности государственных опытных учреждений согласовывались с местными сельскохозяйственными организациями и утверждались главой ведомства (ст. 20). В деле разработки научных основ земледелия Положение 1901 г. предусматривало тесное взаимодействие всех центральных и местных структур.

Логичным шагом по совершенствованию правового регулирования просветительской деятельности исследовательских учреждений стало издание закона от 9 июня 1912 г. «О некоторых мероприятиях по устройству и содержанию сельскохозяйственных опытных станций»²¹. Закон наметил конкретные меры применительно к задачам столыпинской реформы. Это прежде всего существенное увеличение финансирования: правительство должно было «принять на средства казны до трех четвертей» расходов на организацию и содержание опытных учреждений, учредителями которых являлись земства, сельскохозяйственные общества и иные общественные структуры. Кроме того, предусматривалось создание конкретных специальных опытных станций и разрешалось учреждать опытные станции при высших сельскохозяйственных учебных заведениях. Закон предписывал создать в Европейской России сеть опытных станций в соответствии с региональными природно-климатическими особенностями.

В годы столыпинских преобразований были сняты многие ограничения на проведение просветительских мероприятий сельскохозяйственной направленности. Это касается организации библиотек, выставок, бесед, чтений и других форм аграрного просвещения. Сельскохозяйственные общества, исходя из циркуляра Департамента земледелия № 8824 от 21 марта 1909 г., получили право открытия библиотек «явочным путем», свободно, «без испрошения особого разрешения»²². Большую популярность приобрели так называемые

«подвижные», или «летучие», библиотеки, деятельность которых регулировалась общим законодательством о публичных библиотеках. Меньше требований стали предъявлять к порядку открытия библиотек при учебных заведениях Министерства народного просвещения и при общественных организациях. «Для воспособления сельскохозяйственному образованию» устраивались «специальные сельскохозяйственные библиотеки»²³.

Циркуляр Департамента земледелия № 43 от 4 июля 1914 г., адресованный земским управам и сельскохозяйственным обществам, изменил правила проведения сельскохозяйственных выставок. Был установлен регламент получения учреждениями и обществами государственных субсидий на сельскохозяйственные выставки, даны разъяснения, на каких условиях можно получить финансовую помощь Департамента земледелия. Выставки проводились на основании «Правил организации всероссийских и областных сельскохозяйственных выставок». Появились интересные формы работы, например передвижные выставки, экскурсии. Так, например, с 26 сентября по 3 ноября 1913 г. на средства Департамента земледелия и Владикавказской железной дороги курсировал поезд с передвижной агрономической выставкой. Крестьяне сел, расположенных вдоль движения поезда, смогли прослушать лекции, беседы, ознакомиться с новыми орудиями и машинами, получить бесплатные брошюры²⁴. Кроме того, в некоторых губерниях крестьянам предлагали бесплатно посетить успешные хуторские хозяйства в западных регионах Российской империи и в сопредельных государствах. Экскурсанты отмечали высокую культуру земледелия, государственную помощь собственникам, степень экономической свободы. Газета «Орловский вестник» писала: «Если культурой, как водой, залить хотя бы Орловскую губернию, то она смыла бы все это невежество, всю грубость...»²⁵ Даже в 1915 г., в период Первой мировой войны, в обзоре Департамента земледелия отмечалось, что во всех губерниях, не затронутых военными действиями, продолжали проводиться курсы на сельскохозяйственные

²¹ См.: ПСЗ РИ. Т. XXXII. Отд. 1. № 37243. С. 633.

²² Агрономическая помощь в районах земледелия: Главнейшие основания организации агрономической помощи. Петроград, 1915. С. 86.

²³ Настольная книга по внешкольному образованию / изд. сост. по первоисточникам В.И. Чарнолуским. Т.1. СПб., 1913. С. 160.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 128. Л. 3.

²⁵ Орловский вестник. 1909. 6 сентября. С. 1.

темы для земледельцев, солдат, народных учителей, инструкторского персонала²⁶.

Таким образом, в период столыпинской реформы были созданы правовые основы аграрно-просветительской деятельности. Активная правотворческая деятельность государственных органов стала важным фактором создания и развития системы сельскохозяйственного просвещения. В рамках этой системы развернулась широкомасштабная пропаганда научных знаний и рациональных методов хозяйствования.

Литература:

1. Агрономическая помощь в районах землеустройства: Главнейшие основания организации агрономической помощи. Петроград : Тип. АО тип. дела, 1915. 111 с.
2. Агрономическая помощь в России / под ред. В.В. Морачевского. Петроград : Издание Департамента земледелия, 1914. 653 с.
3. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет : в 4 т. Т. 4. / Б.Б. Веселовский. СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1911. 696 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 122. Д. 128.
5. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 114.
6. Мацузато К. Столыпинская реформа и русский агротехнологический переворот. URL: <http://handle.net2115/8039>
7. Высочайше утвержденное 26 мая 1904 г. Положение о сельскохозяйственном образовании и его применении / сост. И.И. Мещерский. СПб.: [б.и.], 1911. 46 с.
8. Настольная книга по внешкольному образованию : в 2 т. Т. 1. / изд. сост. по первоисточникам В.И. Чарнолуским. СПб. : Знание, 1913. 502 с.
9. Нормальный устав мелких сельскохозяйственных товариществ 18 ноября 1908 года. Харьков : Типография «Печатник», [б.г.]. 8 с.
10. Обзор Департамента земледелия в 1915 г. // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия. 1915. СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1916. С. I–XC.
11. Орловский вестник. 1909. 6 сентября.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание третье : в 33 т. Т. X. Отд. I. СПб. : Гос. тип., 1903. 843 с.
13. ПСЗ РИ. Собрание третье : в 33 т. Т. XXI. Отд. 1. СПб.: Гос. тип., 1903. 1308 с.
14. ПСЗ РИ. Собрание третье : в 33 т. Т. XXIV. Отд. 1. СПб.: Гос. тип., 1907. 1257 с.
15. ПСЗ РИ. Собрание третье : в 33 т. Т. XXV. Отд. 1. СПб. : Гос. тип 1908. 966 с.
16. ПСЗ РИ. Собрание третье : в 33 т. Т. XXVI. Отд. 1. СПб. : Гос. тип, 1909. 1160 с.
17. ПСЗ РИ. Собрание третье : в 33 т. Т. XXXII. Отд. 1. Петроград. : Гос. тип, 1915. 1821 с.
18. Пыльцина М.В. Проекты реформирования местных сельскохозяйственных органов в конце XIX в. / М.В. Пыльцина // История государства и права. 2014. № 9. С. 34–36.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 120. Д. 61.
20. РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. 5 делопроизводство. Д. 48.
21. Свод законов Российской империи : в 5 кн. Кн. 4. Т. 12. Ч. 2. СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. 1359 с.
22. Утенков Г.Н. Концептуальные идеи П.А. Столыпина: реформы государственного управления / Г.Н. Утенков // История государства и права. 2013. № 1. С. 50–53.
23. Фридолин С.П. Исповедь агронома / С.П. Фридолин. М. : Новая деревня, 1925. 151 с.

²⁶ См.: Обзор Департамента земледелия в 1915 г. // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия. 1915. СПб., 1916. С. XII.

Преемственность и новации законотворческой деятельности Анны Иоанновны

*Ельчанинов Андрей Петрович,
ученый секретарь Самарского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний России,
кандидат юридических наук
petrovich2102@rambler.ru*

*Ельчанинова Ольга Юрьевна,
начальник кафедры теории и истории государства и права
Самарского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний России,
кандидат исторических наук, доцент
olga220169_69@mail.ru*

В рамках данной статьи предпринята попытка дать объективную оценку развития отдельных правовых институтов системы законодательства Российской империи в правление императрицы Анны Иоанновны. Рассматривается специфика оформления и содержания правовых актов.

Ключевые слова: манифест, указы, указ, сенатский указ, система наказаний, правотворчество, закон, нормативный акт.

Continuity and Innovations of Legislative Activities of Anna Ioannovna

*Elchaninov Andrey P.,
Scientific Secretary of the Samara Law Institute of the Federal Service
for Execution of Punishment of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

*Elchaninova Olga Yu.,
Head of the State and Law Theory and History Department at the Samara Law Institute
of the Federal Service for Execution of Punishment of Russia,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

In this article we attempt to give an objective assessment of the development of individual legal institutions of the legislation of the Russian Empire during the reign of Empress Anna Ivanovna. Analysis of the specificity of presentation and content regulations.

Key words: manifest, statutes, ordinances, Senatsky decree, regulations, system of punishment, law-making, law, legal act.

Анна Иоанновна относится к числу тех правителей, в оценках которых доминируют стереотипные подходы. С ее именем на протяжении веков продолжают связывать негативные процессы в жизни Российского государства: «бионовщина», «засилье немцев», «безвременье», «застой» и т.д. Например, В.О. Ключевский, проанализировав этот период, дал такое резюме: «Это царствование — одна из мрачных страниц нашей истории, и наиболее темное пятно на ней — сама императрица...»¹ Но если отказаться от эмоциональных оценок внешних проявле-

ний ее царствования и понять его не как череду деяний, поступков и страданий отдельных лиц, а как эволюционный процесс развития общества и государства, то можно обнаружить немало неизученных пластов правового регулирования общественных отношений в 30–40-х гг. XVIII в.

Правовая система Российской империи в период правления императрицы Анны Иоанновны развивалась с учетом предшествовавшего законодательства. Как и для предыдущих периодов XVIII в., основными источниками права оставались Соборное уложение, Воинские артикулы, Уставы, Инструкции, указное законодательство, разработанные Пет-

¹ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. IV. С. 273.

ром I. Подтверждение этому мы находим в Манифесте от 4 марта 1730 г. «Об уничтожении Верховного Тайного Совета и Высокого Сената, и о восстановлении по-прежнему Правительствующего Сената»², в сенатском указе от 12 марта 1730 г. «О решении всяких дел по Уложению, по указам и по форме суда без волокитно, о содержании в судебных местах журналов и настольных книг, и о подавании из Коллегий и Канцелярий месячных рапортов о решенных и нерешенных делах в Сенат»³, где Сенату предписывалось вести дела на основании «Уложения и указов Петра I».

В то же время распространение получили и другие виды правовых источников: указы, учреждения, уставы, наказы, инструкции, своды законов, уложения, манифесты и пр.

В соответствии с классификацией, приводимой И. Андреевским:

— под указами понимались нормативные или индивидуальные акты, обычно издаваемые главой государства;

— под учреждениями понималась совокупность юридических норм, определяющих состав, предметы ведения и степень власти какого-либо органа;

— под уставами подразумевалась совокупность юридических норм, определяющих порядок той или иной части «управления»;

— под регламентами — акты, определяющие создание государственных органов управления, их состав, порядок деятельности;

— под наказами и инструкциями определялись акты, которые устанавливали права и обязанности различного рода должностных лиц, например губернаторов, воевод и так далее;

— под Сводами законов — совокупность всех законов, действовавших в государстве, а Уложения являлись частью Сводов законов;

— под манифестами понималась особая форма правовых актов, издаваемых только монархом и обращенных ко всему населению и всем учреждениям⁴.

Преемственность законодательства в актах императрицы Анны постоянно подтверждается прямыми ссылками на предшествующие нормативно-правовые документы, в первую очередь на нормы Соборного уложения.

Интенсивность правотворчества при Анне Иоанновне была более высокой по сравнению с ее предшественниками. Так, за десятилетний период ее правления было издано 2764 акта, в то время как за двадцать лет правления Елизаветы Петровны — 2915 актов⁵, а за двадцать четыре года правления Екатерины II — 5940 актов. Даже Петр I уступил первенство в этом вопросе своей племяннице, за двадцать восемь лет его единоличного правления было издано 3207 актов. Но данный феномен объясняется главным образом субъективным фактором — Петр I сам лично много занимался законотворческой деятельностью и тем самым неизбежно ограничивал законодательную инициативу других государственных органов и должностных лиц, в то время как Анна Иоанновна, напротив, лично вообще ничего не сочиняла и соответственно сформированный ею государственный аппарат обладал в этом смысле неограниченной свободой, поскольку императрица, не будучи профессионалом ни в одной сфере государственной деятельности, подписывала практически все представляемые ей и одобренные ближним окружением законопроекты⁶.

Как и ранее, при Анне Иоанновне требования к оформлению нормативно-правовых актов, соблюдению установленной формы документа были высоки. Законодательные документы в соответствии с сенатскими указами писались на гербовой бумаге, которая различалась по стоимости, что отражалось в размерах клейма с изображением государственного герба и указанием под клеймом стоимости бумаги и года написания документа.

² См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VIII. (1728–1732 гг.). СПб.: Типография II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 253.

³ См там же. С. 254.

⁴ См.: Андреевский И. Русское государственное право. Т. 1. СПб.– М.: Издание Маврикия Осиповича Вольфа, 1866. С. 182.

⁵ См.: Ельчанинов А.П., Ельчанинова О.Ю. Концептуальные подходы к эволюции законодательства в сфере применения смертной казни в эпоху Елизаветы Петровны // История государства и права. 2014. №3. С. 54–59.

⁶ См.: Демьяненко М.А. Особенности абсолютизма как формы государственного правления и развитие правовой системы в период владения императрицы Анны Иоанновны: 1730–1740 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 2013. 24 с.

Сохранялись жесткие требования и к реквизитам документов, которые приобрели самостоятельное значение и заняли свое собственное, устойчивое место в формуляре документа.

При Анне Иоанновне техника изложения нормативно-правовых актов была различна. Как правило, это зависело от двух факторов:

- 1) какое учреждение (Сенат, Коллегии и др.) готовило законопроект;
- 2) какой уровень грамотности был у исполнителя документа.

Имели место акты, где содержание излагалось достаточно четко. Чаще это говорило о том, что исполнителем документа был иностранец: сказывалось влияние немецкой правовой культуры. Однако в большинстве нормативных документов наблюдалась громоздкая языковая конструкция с длинными предложениями, без разделения на абзацы, что затрудняло восприятие текста.

По своему характеру многие нормативно-правовые акты представляли собой дополнения, уточнения, разъяснения ранее действовавших юридических норм или вновь возникших казусов, требовавших разъяснения. Издаваемые императрицей и Сенатом акты часто являлись ответами на жалобы, запросы, рапорты как государственных служащих, так и частных лиц. Например, сенатский указ от 14 марта 1732 г. «О незасчитывание за рекрута крестьян, учинивших убийство до отдачи в рекруты» являлся разъяснением на запрос из Новгородской губернии. В запросе описывалась следующая ситуация: крестьянин, которого записали в рекруты, не желая служить в армии длительный период, убил старосту деревни, который ему сообщил о призыве в армию. За убийство крестьянин был повешен. Владелец вотчины, из которой проводился набор рекрутов, обращался в Сенат за разъяснением, можно ли зачесть за рекрута крестьянина-убийцу, которого уже повесили. В объяснение своего запроса помещик привел следующий довод: если из вотчины придется направлять в рекруты крестьянина взамен повешенного, то вотчина потеряет сразу трех работников: убитого старосту, повешенного убийцу и дополнительного крестьянина для выполнения разрядки по рекрутам, а это скажется на доходах помещика.

Сенат по данному вопросу постановил: крестьянина-убийцу за рекрута не считать, поскольку он совершил убийство до того как

стал рекрутом. Данное решение распространилось на все последующие подобные случаи⁷.

С содержательной точки зрения в законодательстве Анны Иоанновны преобладали акты, регулировавшие государственно-правовые отношения (вопросы сбора налогов и безопасности государства), а также вопросы собственности.

Как и при ее предшественниках, значительное количество указов Анны Иоанновны были посвящены вопросам взыскания недоимок, коммерции, сбора пошлин. Примеров таких указов за 10-летнее правление Анны Иоанновны большое количество, например: сенатский указ от 20 апреля 1730 г. «О непокупке трески в казну для продажи за море, а об отдачи оной в свободную торговлю»⁸, сенатский указ от 20 апреля 1730 г. «О взимании с Гжатской пристани с товаров и хлеба пошлин»⁹, высочайше утвержденное мнение Сената от 2 августа 1731 г. «О содержании магазинов и о заготовлении провианта и фуража»¹⁰ и др.

С одной стороны, большое количество подобных указов говорит о значимости перечисленных вопросов для эффективного развития Российского государства в рассматриваемый период, с другой — о слабой их разработанности. Общую суть этих актов можно определить как стремление усилить ответственность за уплату налогов всех тех, кто должен был их платить (собственники, промышленники, торговцы и др.), а также повысить спрос с тех должностных лиц, которые обязаны были контролировать данные вопросы.

Гражданско-правовые акты при Анне Иоанновне развивались с учетом меняющихся экономических отношений, защищая интересы правящего класса в лице родовой аристократии, пытаясь ограничить обогащение, а соответственно усиление политического влияния новых собственников-предпринимателей (купцов, заводчиков, фабрикантов).

Большое место в гражданско-правовой сфере уделялось вопросам наследования, раздела, продажи имений и вотчин. Так, в вы-

⁷ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VIII. (1728–1732 гг.). СПб.: Типография II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 652.

⁸ См. там же. С. 271.

⁹ См. там же. С. 270.

¹⁰ См. там же. С. 526.

сочайше утвержденном докладе Сената от 20 июня 1730 г. «О разделе однодворческих недвижимых имений после смерти отцов детям по жребию и о непродаже земель однодворцами в чужие руки» предлагалось изменить порядок наследования однодворческих имений. Предыдущий порядок предполагал наследование имения одним из сыновей умершего по праву первенства рождения. Новый порядок предписывал разделять имение всем детям мужского пола¹¹. Весьма востребованным обществом оказался акт от 17 марта 1731 г. об отмене указа Петра I о единонаследии, возвращавший порядок наследования, определявшийся еще Соборным уложением 1649 г. В Указе 1731 г. достаточно четко были изложены мотивы принятия данного решения: «Родители, по равной любви ко всем своим детям, употребляли все средства для того, чтобы разделить между ними свое имение по равным частям, прибегали для того к подложным продажам и закладам, обязывали детей великими клятвами, чтобы получивший после них свое имение передал его часть своим братьям; из-за наследства рождались между детьми и родственниками ссоры, ненависть, смертоубийства»¹². Этим же указом были расширены права завещателя, повелевалось «впредь, как поместья, так и вотчины, именовать равно одно недвижимое имение — вотчина; и отцам и матерям детей своих делить по Уложению всем равно, тако ж и за дочерьми в приданое давать по-прежнему»¹³. Важно заметить также, что законодательно было дано понятие недвижимых вещей путем перечисления отдельных их видов: родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий, также и дворов и лавок.

В годы правления Анны Иоанновны происходило расширение вотчинных прав дворянства и улучшение его материального положения, закрепления прав на землю. 25 октября 1730 г. был издан акт о расширении прав помещиков и укреплении их создававшейся монополии на владение населенными имениями в виде предписания, запретившего крестьянам покупке и принятию под заклад населен-

ных земель и предписывавшего все уже имеющиеся «недвижимые свои имения распродать». В 1736 г. была предпринята попытка возродить раздачу земель в поместное держание. Данное начинание, по всей вероятности, было связано со стремлением обеспечить малоимущих отставных военных, так и не получивших на службе дворянского звания. Офицерам, вышедшим в отставку, учреждалось выдавать наделы земли в размере 20–30 четвертей, без права владения крепостными, давать ссуды каждой семье от 5 до 10 рублей. Территория их расселения была определена по Волге между Астраханью и Царицыном, в Казанской губернии и других местах рядом с башкирами. Таким образом, можно увидеть попытку создания новой формы поместного держания для недворянских служилых людей.

В сфере административного права активно регулировались вопросы, связанные с полномочиями как действующих, так и вновь созданных органов государственного управления, при этом особое внимание уделялось деятельности фискальных органов, а также регламентации различных аспектов военного дела. Примерами указов, отражающих вопросы административно-правовой деятельности, можно считать: сенатский указ от 16 апреля 1730 г. «Об определении при Сенате Генерал-рекетмейстера и подаче ему челобитен о делах, решенных в противность указам и о не решенных по долговременному отлагательству»¹⁴, сенатский указ от 23 апреля 1730 г. «О подписании обер-секретарям, а где оных нет секретарям таких дел, кои подлежат справкам или следуют к исполнению, а не к решению»¹⁵, именной указ от 1 июня 1730 г. «Об учреждении комиссии для рассмотрения состояния армии, артиллерии, фортификации и исправления оных»¹⁶ и др.

В уголовно-правовой сфере при Анне Иоанновне увеличилось количество актов, предусматривающих ответственность за дела о преступлениях по политическим мотивам. Один из первых таких процессов был объявлен Манифестом от 14 апреля 1730 г. «О винах князя Алексея с сыном Иваном и с братьями,

¹¹ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VIII. (1728–1732 гг.). СПб.: Типография II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 295.

¹² Там же. С. 299.

¹³ Там же. С. 298.

¹⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VIII. (1728–1732 гг.). СПб.: Типография II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 266.

¹⁵ См. там же. С. 272.

¹⁶ См. там же. С. 286.

и князь Василий сын Долгоруковых». В этом документе императрица обвиняла членов семьи Долгоруких в ненадлежащем наблюдении за здоровьем императора Петра II, в результате чего тот заболел и умер. Реальная причина репрессий в отношении рода Долгоруких заключалась в усилении их могущества в период правления Петра II, что несло угрозу единичной монаршей власти императрицы.

В именном указе от 10 апреля 1730 г. «О доносах по первым двум пунктам» (1. О каком злом умысле против персоны Его Величества или измены; 2. О возмущении или бунте¹⁷) устанавливались последствия для лиц, отбывающих наказание и ложно сообщивших о готовящихся преступлениях против царской особы. В этом указе отмечалось, что участились случаи ложных доносов со стороны колодников и лиц, находившихся на каторге, о готовящихся преступлениях против императрицы. По закону таких преступников из удаленных мест, где они отбывали наказание, привозили в Москву, где проводилось расследование полученных сообщений. Однако, как правило, такие сообщения не подтверждались. Ложные сообщения делались колодниками только для того, чтобы какое-то время быть освобожденными от каторжных работ и соответственно продлить свою жизнь. При этом от их оговоров часто страдали невиновные.

В указе устанавливалось, что колодникам, которые под пыткой укажут на ложность своего доноса, чинить смерть. Тем же преступникам, которые будут приговорены к смертной казни за различные преступления, но перед исполнением приговора будут доносить о готовящемся покушении на императрицу, не верить.

Общие положения уголовно-процессуального законодательства не претерпели существенных изменений. При расследовании преступлений основным оставался розыскной процесс, особенностями которого являлись практически полное бесправие обвиняемого и массовое применение пыток для получения признательных показаний.

Суд в целом не был отделен от администрации. При Анне Иоанновне продолжал действовать порядок судопроизводства, введенный в 1727 г. Екатериной I, в соответствии с которым судебным разбирательством на местах занимались губернаторы и воеводы. Совмещение у чиновников в одних руках судеб-

ных и исполнительных функций не исключало вынесения несправедливых приговоров.

Вместе с тем в рассматриваемый период была предпринята попытка изменить сложившееся положение вещей, разделив административные и судебные функции. Правда, такая попытка была предпринята только в пределах Московской губернии и не коснулась остальной территории России.

В соответствии с Высочайшей резолюцией на доклад Сената от 20 марта 1730 г. «Об учреждении судного и розыскного приказов, об апелляции на оные из Московской губернии в Юстиц-Коллегию, а на оную в Сенат, и о разборе прежних судебных дел»¹⁸ специально для уменьшения нагрузки на административный аппарат Московской губернии исключительно для ведения судопроизводства учреждались два Приказа:

1) судный, который рассматривал гражданско-правовые иски, поданные в Москве всеми категориями граждан;

2) сыскной, в котором рассматривались уголовно-правовые дела в отношении воров, разбойников, убийц, задержанных на территории Москвы.

Апелляции на решения, вынесенные в Судном и Сыском приказах, предписывалось рассматривать в Юстиц-коллегии. Окончательное решение по делам, рассмотренным в указанных приказах, мог принять Сенат. Таким образом, Сенату было возвращено значение высшего апелляционного судебного органа.

В период правления императрицы Анны предпринимались попытки улучшить работу судов на местах. В частности, этому способствовал именной указ от 20 марта 1730 г. «О перемене во всех городах воевод через два года, о приезде им с росписными и счетными книгами в Сенат, и об определении воеводами тех из них, на которых в течение года после смены жалоб не поступит»¹⁹. Данный указ предписывал периодическую, раз в два

¹⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VIII. (1728–1732 гг.). СПб.: Типография II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 258–259.

¹⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VIII. (1728–1732 гг.). СПб.: Типография II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 259.

¹⁷ См. там же. С. 137–138.

года, смену воевод в городах с целью уменьшения должностных нарушений с их стороны. По окончании двухлетнего срока полномочий каждый воевода обязан был приезжать в Сенат с докладом о проделанной работе. Если нарушений в его работе не было, то он мог быть восстановлен в должности при условии, если в течение года не поступало жалоб по поводу его деятельности. Несмотря на разработанный механизм контроля за деятельностью воевод, существенных улучшений на местах в деятельности судов не было: воеводы продолжали брать взятки, выносить несправедливые решения, всячески притеснять тех, кто посмел жаловаться на их действия в вышестоящие инстанции.

Вопросам совершенствования работы судов был посвящен именной указ от 1 июля 1730 г. «О решении дел судьями по чистой совести, согласно с данной ими присяге, несмотря на лица сильных», где императрица повелевала «всем высшим и низшим судам иметь суд во всем повсюду равный, несмотря на лица сильных, и без богоненавистного лицемерия и злобы, и противных истин проклятых корыстей». В указе определялось наказание тем судьям, которые брали взятки, волокитили дела, допускали другие должностные преступления: «Таких повелеваем штрафовать по государственным правам и указам, без всякой пощады, несмотря какого б чина и достоинства ни был, дабы на то смотря другие судьи того чинить не дерзали»²⁰.

Итак, в правление Анны Иоанновны было принято огромное количество правовых актов, что объясняется тем, что в отличие от петровского законодательства акты принимались по мало значимым делам и частным вопросам (ответы на запросы, жалобы, дополнения, рапорты как государственных служащих, так и частных лиц), в то время как при Петре I формировались консолидированные правовые акты. Большое распространение получили публичные правовые акты, регулирующие вопросы безопасности государства, налоговые ставки, деятельность органов власти и управления. Несмотря на устойчивость требований законодателя к качеству правового материала, в этот хронологический период встречались документы, содержание и форма которых были безупречны, что указывало на влияние немецкой правотворческой

²⁰ Там же. С. 285.

культуры. Вместе с тем имели место акты, которые отличала громоздкая неструктурированная языковая конструкция, без деления на пункты, абзацы и т.д. С учетом особенностей развития экономических отношений изменялись и нормы права, регулировавшие отношения собственности и другие связанные с ними общественные отношения. Был отменен указ о единонаследии 1714 г. В сфере административного права активно регулировались вопросы, связанные с полномочиями органов управления, при этом особое внимание уделялось деятельности фискальных органов, регламентации различных аспектов военного дела. Система уголовных наказаний в период царствования Анны Иоанновны оставалась без изменений, за исключением ужесточения санкций за государственные преступления. В законодательстве Анны Иоанновны нормы уголовно-процессуального характера отличались жесткими мерами, включающими пытки. Новых подходов к проведению следствия по уголовным делам выработано не было, поэтому использовались уголовно-процессуальные нормы преимущественно Соборного уложения 1649 г., указного права первой четверти XVIII в. В практике производства следствий сформировалась вполне определенная последовательность проведения следственных действий. Была предпринята неудачная попытка отделения суда от административных органов, но вместе с тем Сенату было возвращено значение высшего апелляционного судебного органа.

Литература

1. Андреевский И. Русское государственное право. Т. 1 / И. Андреевский. СПб. — М.: Издание Маврикия Осиповича Вольфа, 1866. 496 с.
2. Демьяненко М.А. Особенности абсолютизма как формы государственного правления и развитие правовой системы в период владения императрицы Анны Иоанновны : 1730–1740 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Демьяненко. Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2013. 24 с.
3. Ельчанинов А.П., Ельчанинова О.Ю. Концептуальные подходы к эволюции законодательства в сфере применения смертной казни в эпоху Елизаветы Петровны / А.П. Ельчанинов, О.Ю. Ельчанинова // История государства и права. 2014. № 3. С. 54–59.
4. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. IV. / В.О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. 400 с.

К проблеме целесообразности существования и применения смертной казни как вида наказания в соответствии с теорией наказания, разработанной В.Д. Спасовичем

*Тюленева Марина Александровна,
аспирантка кафедры теории и истории государства
и права юридического факультета
Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского
tyuleneva_ma@mail.ru*

В статье проводится анализ теории наказания, разработанной В.Д. Спасовичем, а также анализируются точки зрения ученых по вопросу целесообразности существования и применения смертной казни как вида наказания.

Ключевые слова: В.Д. Спасович, теория наказания, справедливость, смертная казнь.

Revisiting Expediency of Existence and Application of Death Penalty as a Kind of Punishment according to the Punishment Theory Developed by V.D. Spasovich

*Tyuleneva Marina A.,
Postgraduate Student of the State and Law Theory and History Department
at the Faculty of Law of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University*

This article tell us about the theory of punishment which was developed by V.D. Spasovich. Also you can see the analysis of different points of view of scientists concerning expediency of existence and application of the death penalty as a type of punishment.

Key words: V. D. Spasovich, punishment theory, justice, death penalty.

Владимир Данилович Спасович являлся не только выдающимся преподавателем и судебным оратором второй половины XIX в., но и талантливым ученым. Внимание В.Д. Спасовича привлекали прежде всего вопросы уголовного права и судопроизводства. Так, В.Д. Спасович являлся активным участником уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества¹.

Главным достижением В.Д. Спасовича в сфере уголовного права явилось то, что в 1863 г. он издал первый русский учебник уголовного права². За этот учебник В.Д. Спасович получил степень доктора уголовного права. В учебнике В.Д. Спасовичем проанализированы существовавшие теории вменения и была разработана собственная теория наказаний.

¹ См.: Миридонова В.С. Научно-исследовательская деятельность Санкт-Петербургского юридического общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия : Право. 2002. № 1. С. 62.

² См.: Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб. : Тип. И. Огризко, 1863. Т.1. С. 6.

Согласно данной теории под наказанием понимаются те насильственные, стеснительные меры, которые государство употребляет в крайнем случае, при недостаточности всех других средств в отношении к нарушителям общественного порядка, для охраны положительного закона. Положительный закон охраняется уголовными мерами двояко: или посредством исключения из общества тех, которые считаются непримиримыми врагами общественного порядка, или посредством испытания и примирения с обществом тех, которые не совсем испорчены, дают надежду на исправление и потому могут быть опять введены в среду общежития. Таким образом, наказание имеет одну главную цель: обезоруживание преступника, которое достигается двумя путями: или отнятием у него физической возможности вредить, или отнятием у него решимости вредить. Согласно теории В.Д. Спасовича наказание должно обладать следующими свойствами: оно должно быть обеспечительно для общества и исправительно для преступника. В наказании В.Д. Спасович видит полезное

средство поддержки ненарушимости человеческого общежития.

С этой стороны учение В.Д. Спасовича о праве государства наказывать примыкает к разряду смешанных теорий, а именно к группе теорий, обуславливающих наказание виной, но полагающих, что цель наказания в принесении определенной пользы обществу.

Еще одной целью наказания является устрашение самого преступника и других людей. На основании этого В.Д. Спасович выделил признаки наказания, к которым он относил то, что наказание должно быть:

1) личное, то есть по возможности не должно касаться ни одного из не участвовавших в преступлении лиц, даже самых близких к преступнику;

2) как можно более делимо, так, чтобы его можно было дробить и в качественном и в количественном отношении;

3) по возможности уравнительно, то есть одинаково чувствительно для людей всех классов, званий и сословий;

4) по возможности вознаградиво и отпустимо, то есть должно быть так устроено, чтобы государство не лишалось возможности исправить обнаружившиеся в приговоре погрешности и ошибки.

Основание государственного наказания В.Д. Спасович видит в справедливости, которая, по его учению, то же самое, что и совесть. Справедливость В.Д. Спасович определяет следующим образом: «Справедливость не есть что-то трансцендентальное, а просто качество, присущее человеку (имманентное), вытекающее прямо из существа его природы. Это качество, будучи человеком осознано отвлеченно, обобщено, сделано предметным, становится идеєю справедливости, которая таким образом есть ничто иное, как отражение собственного же существа человека»³. Из этого следует, что теорию В.Д. Спасовича можно было бы назвать теорией абсолютной человеческой справедливости, в противоположность теориям абсолютной, внечеловеческой, трансцендентальной справедливости теорий Платона, Канта, с которыми она имеет близкой органическое и логическое родство⁴.

³ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб. : Тип. И. Огризко, 1863. Т. 1. С. 50.

⁴ Кистяковский А.Ф. Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. I, Вып. 1-й // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 7. С. 203.

В целом можно сделать вывод, что теория наказания, предложенная В.Д. Спасовичем, сочетает в себе признаки различных теорий и, следовательно, имеет характер эклектичной.

В.Д. Спасовичем разработана классификация наказаний, основным критерием которой являлись свойства благ, которых человек лишается посредством наказания. К этим благам относились следующие:

а) физическая жизнь;

б) тело как вместилище личности;

в) свобода, то есть право беспрепятственно передвигаться с места на место и свободно распоряжаться своими силами, своим трудом;

г) имущество как совокупность всех материальных средств существования и орудий действия, которыми располагает личность во внешнем мире;

д) участие лица в общественной деятельности, семейной, сословной, политической и соединенное с этим участием уважение к лицу или его честь.

Государство только и может репрессивно действовать на преступника, ограничивая его и стесняя в одном из названных выше благ. Таким образом, все наказания сводятся к следующим видам:

а) смертная казнь;

б) телесные наказания. Телесные наказания делятся на 2 разряда:

— изувечивающие, лишаящие человека определенной части тела или оставляющие неизгладимые следы на теле после экзекуции;

— наказания только болезненные, но не обезображивающие человека навсегда;

в) лишение свободы. Лишение свободы допускает множество разновидностей. Тремя главными формами лишения свободы являются: изгнание, заключение и ссылка, представляющая собой совокупность того и другого;

г) имущественные наказания. К ним относятся конфискация и денежные пени.

— конфискация — забор в казну или всего имущества, или определенной его части, или отдельных предметов;

— денежная пеня или штраф — взыскание с преступника определенной суммы денег;

д) лишение участия в общественной деятельности (правоспособности) и чести. Честь — признание в лице другими его нравственного достоинства или, иными словами, уважение, оказываемое лицу другими членами общества как гражданину, как человеку, как семьянину, как члену сословия, как чиновни-

ку государства; посему можно различать честь общечеловеческую или личную, честь гражданскую, сословную, политическую, честь простую или привилегированную. Все ограничения во внешнем почете и в деятельности общественной могут быть сведены к следующим трем пунктам:

— устыдительные наказания, то есть такие, которые, нисколько не умаляя чести человека и его почетности, выражаются в том, что доводят до сведения правонарушителя, что определенный его поступок недостойн человека и гражданина. Сюда относятся выговоры и внушения;

— наказания, состоящие в лишении преступника почетных отличий, преимуществ и знаков, возбуждающих уважение;

— ограничения в правоспособности устранением преступника от всех тех функций, которые могут осуществляться только людьми безусловно чистыми.

В.Д. Спасович выступал против излишней суровости уголовных наказаний, заявил себя противником смертной казни. Его доводы против этого вида уголовного наказания не утратили своей ценности и в настоящее время.

Вопрос о целесообразности применения смертной казни является одним из самых дискуссионных в науке уголовного права.

Истоком смертной казни на Руси была кровная месть. Впервые законодательно закрепленная в Двинской уставной грамоте 1398 г. смертная казнь имела определенный способ ее совершения — повешение. Согласно Двинской уставной грамоте 1398 г. смертная казнь устанавливалась не за преступления против жизни, а за кражу в третий раз. Вообще для правовых документов того времени (Псковская судная грамота, Судебники 1497 и 1550 гг.) было характерно назначение смертной казни за преступления против собственности, а не против жизни⁵.

С началом модернизации государства и права (конец XVIII — XIX в.) начинает обсуждаться проблема гуманизации наказаний, в том числе и ограничения применения смертной казни. Философы, юристы, политики все настойчивее выступали против членоредительских наказаний, мучительных видов смертной казни и высказывались за некоторое

ограничение применения смертной казни или даже ее отмену⁶.

Противников смертной казни обычно делят на 2 класса: одни отрицают у государства право на употребление смертной казни; другие доказывают, что, хотя государство имеет право употреблять эту казнь, оно может, однако, и без нее обходиться при известном настроении общественных нравов, а следовательно, оно и должно от нее отказаться.

Прогрессивные общественные деятели до-революционной России категорически и безоговорочно отрицали смертную казнь. Среди противников смертной казни были, например, Н.П. Загоскин, С.Е. Десницкий, Ф.В. Ушаков, Н.С. Мордвинов, И.В. Лопухин, А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский⁷.

Так, профессор Н.П. Загоскин писал: «Смертная казнь чужда правовому мировоззрению русского народа, как чужда ему суровое отношение к преступнику вообще. «Несчастные», «несчастенькие» — так до сих пор называет наш народ присужденных к наказанию преступников, готовый поделиться с таким «несчастеньким» последним трудовым грошем своим»⁸.

Ярым противником смертной казни был и А.Н. Радищев. В «Проекте для разделения Уложения Российского» он указывал: «Аксиомою поставить можно, что казнь смертная совсем не нужна (разве из сожаления и по выбору преступника), что всякая жестокость и уродование не достигают в наказании своей цели»⁹.

В области уголовного права граф Н.С. Мордвинов стоял на прогрессивных позициях и был абсолютным противником смертной казни. Его доводы сводились к следующему: смертная казнь в России отменена 70 лет назад императрицей Елизаветой и восстанавливать ее нет никакого резона. Он полагал, что применение смертной казни не может способствовать сокращению преступности¹⁰.

⁵ См.: Федорова А.Н. Смертная казнь в истории России в период XV–XVII вв. // История государства и права. 2012. № 7; СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Макеева Н.В. Проблема смертной казни в контексте модернизации российской уголовной политики // История государства и права. 2010. № 15; СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Келина С.Г. Смертная казнь: за и против. М.: Юридическая литература, 1989. С.3.

⁸ Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 10.

⁹ Келина С.Г. Смертная казнь: за и против. М.: Юридическая литература, 1989. С. 30.

¹⁰ См.: Келина С.Г. Смертная казнь: за и против. М.: Юридическая литература, 1989. С. 32–33.

Но в этот период были и иные взгляды. Так, князь М.М. Щербатов выступал за максимально суровые уголовные наказания, ибо строгость наказания, по его глубокому убеждению, сдерживает людей от совершения преступлений.

Сторонником смертной казни в русском уголовном законодательстве был и выдающийся русский поэт В.А. Жуковский. В статье «О смертной казни» он писал: казнь «не иное, что как представитель строгой правды, преследующей зло и спасающей от него порядок общественный, установленный самим богом. Смертная казнь, как угрожающая вдали своим мечом Немизида, как страх возможной гибели, как приведение, преследующее преступника, ужасна своим невидимым присутствием, и мысль о ней, конечно, воздерживает многих от злодейства»¹¹.

Из отечественных правоведов конца XIX — начала XX вв. к числу сторонников ограниченного применения смертной казни принадлежал Б.Н. Чичерин, который считал, что справедливость, базирующаяся на принципе эквивалента — основного принципа наказания, — «...влечет за собой требование смертной казни при убийстве...». «Чем выше ценится человеческая жизнь, — писал он, — тем выше должно быть и наказание за ее отнятие... Если мы скажем, что жизнь есть такое благо, которое не имеет цены, отнятие такого блага у другого влечет за собой отнятие того же блага у преступника. Это закон, который он сам себе положил. Поэтому с точки зрения правосудия смертная казнь составляет чистое требование правды... И государство имеет полное право ее прилагать, ибо высшее его призвание состоит в отправлении правосудия»¹².

Вместе с тем Б.Н. Чичерин признавал весьма серьезными возражения противников смертной казни в той части, где речь шла о невозможности исправления преступника в случае ее применения. Но это возражение, по его мнению, значительно ослабляется тем соображением, что смертная казнь сильнее всего действует на душу человека, заставляя его раскаяться. Однако Б.Н. Чичерин как бы возражал самому себе, обращая внимание и на то, что многие осужденные равнодушно относятся к факту лишения их жизни. А потому проблема

«за» и «против» смертной казни навсегда остается открытой.

В.Д. Спасович следующим образом выражает свое отношение к смертной казни: «Что касается до того, необходима ли смертная казнь, то при теперешнем состоянии образованности европейских народов она представляется мерой скорее вредной, чем полезной, потому что расходуется с целью и назначением наказания. Коль скоро государство не имеет права видом наказаний преступника пугать других, то самое большее, что оно в праве сделать со злодеем, это исключить его из общежития, уединить его таким образом, чтобы, оставаясь даже в центре многолюдного города, за толстыми стенами, под крепкими затворами, он был лишен всякой возможности влиять на общество, вредить ему; чтобы он был чужд и нейтрализован так, как будто бы он и не существовал физически. Все, что переходит за эту крайнюю меру наказания, будет жестокостью, варварством, бесчеловечием. Итак, я полагаю, что государство не имеет права казнить лишением жизни, коль скоро оно может обходиться без этого наказания»¹³.

Вместе с тем В.Д. Спасович отмечает: «Настоящая расправа с природными и неисправимыми преступниками была бы смертная казнь, но не такая, какая существует ныне в виде пугала для воробьев, всего по нескольку голов в год. На одну Италию полезно было бы казнить в год до 1500 человек. Так как смертная казнь делается невозможной по состоянию нравов, то лучше упразднить ее, но завести для неисправимых заключение навсегда, со ссылкой куда-нибудь подальше, с употреблением на полевые работы в болотах, в местах, где свирепствует *malaria*, с прибавкой для строптивых телесного наказания, приспособленного к нашему веку, не в виде розог, но в виде окачиваний холодной водой или электрических разрядов, боль причиняющих, но без следов»¹⁴.

Однако В.Д. Спасович допускал, что если бы применение смертной казни оказалось неизбежным по особым обстоятельствам государственной службы в связи с ростом тяжелой преступности, то и в этом случае она может быть применена лишь к немногим тягчайшим

¹¹ Жуковский В. А. Соч. Т. XI. СПб., 1857. С. 117–183.

¹² Келина С.Г. Смертная казнь: за и против. М.: Юридическая литература, 1989. С. 41.

¹³ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. Т. 1. С. 184.

¹⁴ Спасович В.Д. Новые направления в науке уголовного права // Сочинения: в 10 т. СПб., 1896. Т. 8. С. 228.

преступлениям и определяема приговорами обыкновенных судов, а не исключительных каких-либо юрисдикций, не дающих максимального ручательства правильности приговоров¹⁵.

Следовательно, можно сделать вывод, что В.Д. Спасович в целом отрицательно относился к применению смертной казни, но в случае неизбежности ее применения она должна назначаться только по приговору суда и за четко определенные категории преступлений.

Сложно однозначно ответить на вопрос: необходимо или нет применение смертной казни. С одной стороны, распространение тяжких преступлений, влекущих за собой массовые человеческие жертвы, например терроризм, получило в последнее время широкое распространение. Но для применения смертной казни должно быть максимально снижено количество судебных ошибок при отправлении правосудия. Ясно одно, что точка зрения В.Д. Спасовича об отмене смертной казни нашла свое отражение в действующем законодательстве Российской Федерации. Мораторий на применение смертной казни в Российской Федерации был введен Постановлением Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П¹⁶ и до настоящего времени не отменен.

¹⁵ См.: Спасович В.Д. За много лет. 1859–1871. СПб., 1872. С. 88–92.

¹⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ 1999. № 6. Ст. 867.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 867.
2. Жуковский В.А. Сочинения / В.А. Жуковский. Т. XI. СПб., 1857.
3. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России / Н.П. Загоскин. Казань, 1892.
4. Келина С.Г. Смертная казнь: за и против / С.Г. Келина. М.: Юридическая литература, 1989.
5. Кистяковский А.Ф. Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. I. Вып. 1-й / А.Ф. Кистяковский // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 7.
6. Макеева Н.В. Проблема смертной казни в контексте модернизации российской уголовной политики / Н.В. Макеева // История государства и права. 2010. № 15.
7. Миридонова В.С. Научно-исследовательская деятельность Санкт-Петербургского юридического общества / В.С. Миридонова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2002. № 1.
8. Спасович В.Д. Учебник уголовного права / В.Д. Спасович. СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. Т. 1.
9. Спасович В.Д. За много лет / В.Д. Спасович. 1859–1871. СПб., 1872.
10. Спасович В.Д. Новые направления в науке уголовного права / В.Д. Спасович // Сочинения: в 10 т. СПб., 1896. Т. 8.
11. Федорова А.Н. Смертная казнь в истории России в период XV–XVII вв. / А.Н. Федорова // История государства и права. 2012. № 7.

Рецензия на монографию Ю.А. Мизиса «Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе)». Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2012. 368 с.

*Тетюхин Игорь Николаевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института
Тамбовского государственного технического университета,
кандидат юридических наук
TetuhinIN@mail.ru*

В рецензии обращается внимание на законодательство Московского царства, действовавшего в период строительства нового города-крепости Тамбова в 1636 г. воеводой Р.Ф. Боборыкиным: сборники церковного права, Кормчая (Номоканон) книга и Стоглав; светское законодательство, Судебники 1550 г. (царя Иоанна IV) и 1589 г. (царя Федора Иоанновича), 48 Указов царя Михаила Федоровича.

Ключевые слова: рецензия, Тамбов в 1636 г., воевода Р.Ф. Боборыкин, церковное право, кодифицированное законодательство Московского царства, указы царя.

Review of the *Moscovia Voivod (R.F. Boborykin on the Tsar's Service)* Monography by Yu.A. Mizis

*Tetyukhin Igor N.,
Assistant Professor of the State and Law Theory and History Department
at the Law Institute of the Tambov State Technical University,
Candidate of Legal Sciences*

The review draws attention to the laws of Muscovy action-wawasee in the period of construction of a new fortress city of Tambov in 1636 by the Governor of Russia, having got Boborykin, which is not in the monograph. Collections of Church law: rudder (Nomocanon) book and one hundred heads; secular law codes of Law 1550 (king John-IV) and 1589 (Tsar Fedor Ioannovich), 48 orders of the Tsar Mikhail Fedorovich.

Key words: review, Tambov in 1636, Governor of Russia, having got Boborykin, Canon law, modifitsirovannoe legislation of Muscovy, the decrees of the king.

В 2012 г. по результатам научно-исследовательской работы вышла в свет монография доктора исторических наук, профессора Ю.А. Мизиса «Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе)», которая посвящена жизни и деятельности одного из представителей русских воевод XVII в. Р.Ф. Боборыкина.

Монографическое исследование написано на актуальную тему, при всей значимости работы меня интересовал только юридический аспект. Поэтому целью данной рецензии является освещение светского и церковного кодифицированного законодательства, применявшегося в период строительства города-крепости Тамбова в Московском государстве.

В разделе «Строитель Тамбова, первый тамбовский воевода» Ю.А. Мизис, основываясь на материалах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), освещает деятельность воеводы Р.Ф. Боборыкина как организатора строительства нового города-крепости Тамбова (Тамбова) и военачальника, основной целью которого было перекрыть один из главных путей проникновения татар на Русь через Ногайский шлях¹. В данном разделе нет сведений о нормах права, судопроизводстве и наказаниях, применявшихся воеводой Р.Ф. Боборыкиным. Од-

¹ См.: Мизис Ю.А. Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе). Тамбов, 2012. С. 60–105.

нако во введении Ю.А. Мизис указывает, что права и обязанности воевод определялись воеводскими наказами, составлявшимися в соответствующих приказах, содержание которых определялось не только общими для всей России положениями, но и особенностями соответствующего города, сложившимися традициями и определенной политической ситуацией в конкретный период. Общие правила несения воеводской службы получили свое законодательное оформление в Соборном уложении 1649 г.²

В разделе «Воеводство в Козлове. Восстание 1648 г.» Ю.А. Мизис приводит примеры ведения судебных дел воеводой Р.Ф. Боборыкиным и замечает: «Какое наказание понесли убийцы, неизвестно, однако за такие преступления виновного по Соборному Уложению могла ожидать и смертная казнь»³.

Свои выводы о действовавшем на тот момент законодательстве Ю.А. Мизис строит на исследовании Соборного уложения 1649 г. историком А.Г. Маньковым, который «подробно остановился на кодификации прав и обязанностей воевод в русских городах»⁴. В 528 источниках, используемых автором при написании монографии, ссылок на законодательные памятники феодальной России до периода Соборного уложения 1649 г. нет⁵.

Из сказанного выше следует, что в данной работе допущены неточности, касающиеся кодифицированного законодательства, действующего на тот период. Высказать свою точку зрения призвана данная работа.

В Государственном архиве Тамбовской области в фонде Козловского Троицкого мужского монастыря находится фрагмент рукописи «Известие о начале города Танбова и происходящих в нем достопамятных вещей и о архиереях, обретающихся в нем»⁶. На первой странице летописи сказано: «В лето 7144-го (1636 г.) по указу богоизбранного и святым елеем помазанного крепкого хранителя и поборника святых православных веры, благоверного и Богом почтенного и превознесенного и благочестием всея вселенныя в концах воссиявшего царя и великаго князя Михаила Феодоровича, созданся град Танбов

на реке Цне. А строил тот город стольник Роман Федорович Боборыкин и был воеводоу три лета... обложен город Танбов на реке Цне на левой стороне на усть речки Студенца, апреля в 17 день... а именован тот новопостроенный город... по реке Танбову, которая течением своим впадает к реке Цне у села Кузьмина Гать...»⁷

Законодательный памятник Русского централизованного государства, на который постоянно ссылается историк Ю.А. Мизис, Соборное уложение 1649 г.⁸, было первым печатным кодексом русского права. В 1649 г. Соборное уложение было издано дважды церковнославянским шрифтом (кириллицей) общим тиражом 2400 экз.⁹ Это обстоятельство имело огромное значение в истории русского законодательства, поскольку до Уложения обычной формой оповещения населения о законах было оглашение наиболее важных из них на торговых площадях и в храмах. Единственными толкователями законов являлись приказные дьяки, которые часто использовали свои знания в корыстных целях. В какой мере появление печатного Уложения явилось крупным событием, показывает и то обстоятельство, что в XVII и начале XVIII вв. кодекс несколько раз переводился на иностранные языки. Уложение 1649 г. более двухсот лет не утрачивало своего значения, оно открыло в 1830 г. «Полное собрание законов Российской империи» и в большой мере было использовано при создании XV тома Свода законов и уголовного кодекса 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных¹⁰. Таким образом, при всей значимости данного законодательного акта воевода Р.Ф. Боборыкин в исследуемый нами период (1636–1639 гг.) не мог им пользоваться, так как этого закона еще не было, но бы-

² См. там же. С. 14.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ См. там же. С. 319–334.

⁶ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО) : путеводитель. Тамбов, 2007. С. 102.

⁷ ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи. Повелением государя Императора Николая Павловича составленное. Т. I. СПб. : Печатано в типографии II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 1–161.

⁹ См.: Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 6.

¹⁰ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1914. 1464 с.

ли другие законодательные акты, о которых Ю.А. Мизис не упоминает.

Из монографии следует, что стольник Р.Ф. Боборыкин был близок к первому царю из династии Романовых Михаилу Федоровичу (1613–1645) и в 1625, 1628 и 1630 гг. принимал участие в приемах иностранных послов в Кремле, прислуживал царю не только на пирах, но и в обыденной жизни. В 1633–1635 гг. служил при царском дворе в составе Государева двора и участвовал во многих официальных церемониях¹¹.

На тот период при царском дворе были следующие чины: казначей, постельничий, конюший, ясельничий, ловчий, кравчий, оружничий, стольник, дворецкий с путем, стряпчий, ключник степенный, ключник, стряпчий дворцовый, столовой приказчик, жильцы. Должность стольника при царском дворе считалась почетной и разделялась на три класса: к первому принадлежали *комнатные стольники*, которых было около тридцати человек, они всегда были знатного происхождения и служили при столе Государю; ко второму причислялись *стольники площадные*. При Царе Алексее Михайловиче их было не более ста; из них тридцать походных. К третьему классу принадлежали *царицыны стольники* — молодые люди знатного рода, большая часть которых не служила при дворе¹².

Общеизвестно, что отец царя Михаила Фёдоровича Романов Федор Никитич по женской линии был двоюродным братом последнего царя из династии Даниловичей (Рюриковичей) (1263–1598) Федора Ивановича. По возвращении из польского плена в 1619 г. на Соборном совещании русских епископов в присутствии Патриарха Иерусалимского Феофана произошло торжественное наречение Филарета в Патриархи Московские и всея Руси. Сразу же в процедуре многих государственных дел и в форме их делопроизводства стало выявляться исключительное положение Патриарха Филарета как соправителя государством вместе с царем-сыном. Так, например, в циркуляре 3 июля 1619 г. к воеводам и правителям областей и городов об устранении злоупотреблений в области

прямого обложения царь Михаил сообщает, что об этом деле с ним советовался и Собор архиереев и сам «Великий Государь, святейший Патриарх Филарет Никитич». Правление царя Михаила после Смуты характеризуется созывом частых Земских соборов из выборных депутатов, из каждого округа: от духовенства, от дворянства и от посадских людей по два депутата. Мотивировка такова: «Чтобы нам и отцу нашему богомольцу Филарету Никитичу, Божией милостию Патриарху Московскому и всея Руси, всякие их нужи и тесноты и раззорения и всякие недостатки были ведомы. А мы, великий государь, с отцом своим и богомольцем советовав, по их челобитью, прося у Бога милости, учнем о московском государстве промышляти, чтобы во всем поправить, как лучше»¹³.

Ю.А. Мизис отмечает, что влияние отца Ф.В. Боборыкина и его родственников в правительстве Филарета позволило молодому Роману Федоровичу приблизиться к трону царя Михаила Федоровича и сразу войти в придворную элиту того времени. Имена Боборыкиных стали чаще встречаться в царских церемониях после 1619 г., т.е. после возвращения патриарха Филарета из плена. К 1630 г. Р.Ф. Боборыкин прошел начальную школу дворцовой службы и созрел для более серьезной деятельности¹⁴. Таким образом, в период «соцарствия» Р.Ф. Боборыкин находился при царском дворе и не мог не знать о светском и церковном кодифицированном законодательстве, применявшемся в России в этот период.

Жизнь Церкви неразрывно связана с историей Российского государства, поэтому историкам и юристам необходимо знать основные сборники церковного права Московского царства в рассматриваемый период — это Кормчая (Номоканон) книга¹⁵ и Стоглав¹⁶.

¹³ Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. Минск : Белорусский Экзархат, 2007. С. 97–98.

¹⁴ См.: Мизис Ю.А. Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе). Тамбов, 2012. С. 29–31, 36.

¹⁵ См.: Кормчая (Номоканон). Отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. СПб. : Воскресенье, 1998. 1481 с.

¹⁶ М.: Стоглав, Собор Русской православной церкви, бывший в Москве при Великом Государе Царе и Великом Князе Иване Васильевиче (в лето 7059). СПб. : Воскресенье, 2011. 273 с.

¹¹ См.: Мизис Ю.А. Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе). Тамбов, 2012. С. 30–31, 56.

¹² См.: Всеобщий стряпчий или ручной судобрядник. Часть седьмая. СПб., 1815. С. 13–15.

Русская церковь с начала своего основания и до XVIII в. заимствовала у греческой церкви многочисленные письменные памятники и пользовалась ими как источниками права. К ним относятся: 1) сборники Церковного права, 2) богослужебные книги; 3) сочинения греческих канонистов и юристов.

1. *Сборники Церковного права.* В греческой церкви в период X–XI вв. составлялись и существовали разнообразные номоканоны, синтагмы, синагоги. Некоторые из них перешли в Россию и стали источниками Церковного права. В России они назывались: а) кормчими книгами и б) номоканоны.

а) **Кормчей книгой** (а иногда и «Номоканоном», «Законоправником») называется церковно-официальный сборник церковных правил и памятников государственного законодательства о церкви. Значение Кормчей книги в истории права русской церкви характеризуется самим названием. Книга должна служить таким же руководством в устройении и управлении церкви, какое дает кораблю управляющий им кормчий (Деян. 27, 11. Апок. 18, 17).

Время появления Кормчей книги на Руси известно совершенно точно — это 1262 г. Утвержденная на Владимирском соборе 1272 г., она стала официальным кодексом Русской православной церкви. Впоследствии она многократно переписывалась, рукописи Кормчей сохранились до настоящего времени. В половине XVII в. Кормчая книга была напечатана не как частное, а как официальное издание с благословения святейшего Патриарха Московского Иосифа (1642–1652) и по повелению царя Алексея Михайловича (1645–1676). Второе, основательно переработанное и исправленное издание, вышло при патриархе Никоне в 1653 г. Так появилось две редакции печатной Кормчей: иосифовская и никоновская. Обе они не раз переиздавались: иосифовская Кормчая — старообрядцами и единоверцами. Кормчая книга в никоновской редакции выходила несколько раз в XIX в., последний раз в 1834 г. Выпуск очередных изданий Кормчей прекратился в связи с выходом Книги правил в 1839 г. Книга правил — это, по сути дела, вторая часть самого влиятельного в истории церковного права «Номоканоны в XIV титулах» патриарха Фотия, его Синтагма, который был издан в Константинополе в 883 г. Все славянские Кормчие книги содержат определения

или правила из этого сборника. Православная церковь принимает и признает 85 правил св. Апостолов, 7 вселенских соборов¹⁷, 11 поместных соборов и правила 13 св. отцов. Наряду с основными правилами имеют силу как дополнительные правила несколько канонических сочинений Иоанна Постника, Никифора Исповедника, Николая Грамматика, Василия Великого, Иоанна Златоуста и Анастасия¹⁸.

В настоящее время для выяснения многих институтов Церковного, государственного, гражданского и даже уголовного права не только юристам, но и историкам необходимо иметь представление о Кормчей книге как источнике права;

б) **Номоканоны** — специальные сборники правил, которые перешли к нам от греческой церкви, составленные частными лицами или иерархами, и которые не имели в греческой церкви строго обязательного значения, т.е. официального, а служили лишь руководством для знакомства с Церковным правом или практикой церковной жизни. Этим они отличались от Кормчих книг.

2. *Богослужебные книги* заимствованы от греческой церкви, содержат правила относительно порядка совершения богослужения, брака, освящения храма и т.п. обрядов, имеющих и правовое значение.

3. *Сочинения греческих канонистов в переводе.* Третья группа сочинений, через которые русская церковь приняла некоторые памятники права греческой церкви или в полном составе, или в извлечениях. К ним относятся толкования Алексея Аристина, Феодора Вальсамона, Иоанна Зонары, которые помещались в Кормчих книгах, и сочинения Арменопула; Тактикон и Пандекты Никона Черногорца¹⁹.

Ко второй группе источников Церковного права относились самостоятельные законы русской церкви. В допетровской России Церковное законодательство развивалось благодаря деятельности Соборов, разного рода канонических ответов, посланий, на-

¹⁷ См.: Карташев А.В. Вселенские соборы. Минск: Белорусский Экзархат, 2008. С. 5, 149, 257, 301, 375, 505, 537.

¹⁸ См.: Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. I. СПб., 1911. С. 7, 9, 19, 25, 32, 42.

¹⁹ См.: Горчаков М.И. Церковное право: краткий курс лекций. СПб., 1909. С. 50–51, 55.

казов, грамот церковно-правительственных лиц (патриархов, митрополитов и епископов) и составлению уставов для монастырей.

Русские Соборы имели власть законодательную, административную и судебную. Решения соборов имело значение не только для Церковного права, но и государственного, кроме того, они развивали в народе сознание об единстве России и о народном представительстве. Из всех Соборов исключительное значение принадлежит Собору 1551 г., Стоглавому, по числу глав, на которые разделена книга. Существенную часть Стоглава составляют царские вопросы или предложения с ответами на них Собора.

Следующим источником являлись Соборные указы — постановления, обнародованные от имени Собора епархиальным архиереем, которые рассылались по монастырям и разного рода учреждениям.

К источникам светского законодательства следует отнести Судебники 1550²⁰,

1589²¹ гг. и царские указы²². Судебники стали источником права для всей России, а вместе с тем и для церкви.

Таким образом, можно утверждать, что воевода Р.Ф. Боборыкин руководствовался в своей деятельности не только воеводскими наказами, составлявшимися в соответствующих приказах, но и общероссийским законодательством, действовавшим в тот период в Московском царстве. Поэтому при изложении правовых аспектов в научно-исследовательских работах историкам необходимо привлекать для консультации специалистов направления (12.00.01) — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве — во избежание

исторических ошибок, которые могут повлиять на развитие историко-правовой науки в будущем.

В заключение считаю необходимым напомнить, что на юридических факультетах российских университетов преподавание церковного права было введено в 1835 г. До 1863/64 учебного года эта наука изучалась студентами-юристами в рамках курса богословия и поэтому была обязательна только для лиц православного вероисповедания. «Общий устав Императорских Российских университетов», введенный в действие Именным указом императора Александра II, данным Правительствующему Сенату 18 июня 1863 г., предусмотрел в числе кафедр, которые полагались для юридического факультета, кафедру церковного законодательства. Также необходимо несколько слов сказать о Н.С. Суворове (1848–1909), который вошел в историю русской юриспруденции как человек, заложивший основы церковного права в России. Первоначальное образование Н.С. Суворов получил в уездном духовном училище. Затем учился в Костромской духовной семинарии. По окончании был определен на должность учителя латинского языка в духовном училище. Летом 1869 г. он уволился из духовного училища и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1873 г. студент-попович завершил курс университетского обучения и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре церковного законодательства²³.

Каноническим правом в нашей стране занимаются историки и филологи, которые не вполне осознают специфику этого предмета и необходимость юридических познаний для его исследования. Ученые правоведа в силу ряда особенностей советского и постсоветского юридического образования не только не обладают базовыми источниковедческими навыками, но и в большинстве своем отрицают существование церковного права как системы правовых норм и не отличают каноническое право от церковного права. Поэтому необходимы специалисты, ориентирующиеся и в светской юриспруденции.

²⁰ См.: Судебник Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, Законы из Юстиниановых книг, Указы дополнительные к Судебнику и Таможенный устав Царя и Великого Князя Ивана Васильевича. СПб.: Императорская Академия наук, 1768. 245 с.; Законы Великого Князя Иоанна Васильевича и внука его Царя Иоанна Васильевича с дополнительными Указами. М.: В типографии С. Селивановского, 1819. 115 с.

²¹ См.: Судебник Царя Федора Иоанновича 1589 г. М.: Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1900. 59 с.

²² См.: Всеобщий стряпчий или ручной судобрядник. Часть седьмая. СПб.: В типографии Ивана Глазунова, 1815. С. 29.

²³ См.: Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 2004. С. XIII–XV, XX; Суворов Н. Учебник церковного права. М., 1908. 476 с.

денции, и в церковной традиции, а это наводит на мысль о необходимости организации комплексной — богословской, юридической подготовки специалистов в области церковного права в Российских университетах, способных на современном научном уровне решать юридические проблемы, возникающие в жизни Церкви и государства, например дело Pussy Riot.

Литература

1. Горчаков М.И. Церковное право : краткий курс лекций / М.И. Горчаков. СПб., 1909. 338 с.
2. Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2 / А.В. Карташев. Минск : Белорусский Экзархат, 2007. 591 с.
3. Карташев А.В. Вселенские соборы / А.В. Карташев. Минск : Белорусский Экзархат, 2008. 639 с.
4. Мизис Ю.А. Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе) / Ю.А. Мизис. Тамбов, 2012. 368 с.
5. Суворов Н. Учебник церковного права / Н. Суворов. М., 1908. 476 с.
6. Суворов Н.С. Учебник церковного права / Н.С. Суворов. М., 2004. 504 с.

Ч. Беккариа о судебском усмотрении, толковании права и мерах наказания

*Беляева Ольга Маратовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук
olga.beliaeva@mail.ru*

Беккариа одним из первых ученых-юристов выступил за отмену смертной казни, предложив заменить ее пожизненным лишением свободы. Целью наказания является не истязание и кара, а исправление преступников и предупреждение новых преступлений. Наказание, писал Беккариа, должно быть публичным, наименьшим из возможных в каждом конкретном случае, соразмерным преступлению и установленным законом.

Ключевые слова: *цель наказания, смертная казнь, соразмерность наказания преступлению, презумпция невиновности, толкование права.*

C. Beccaria about Judicial Discretion, Interpretation of Law and Punishment Measures

*Belyaeva Olga M.,
Assistant Professor of the State and Law Theory
and History Department of Kazan (Volga Region) Federal University,
Candidate of Legal Sciences*

Beccaria was one of the first scientists in the sphere of jurisprudence who supported abolition of capital punishment and proposed to substitute it for life imprisonment. The aim of punishment is not torture and retribution, but its aim is a criminal's reformation and crime prevention. Beccaria wrote that punishment had to be public, the least of possible ones in each case, proportional to the crime committed and instituted by the law.

Key words: *punishment's aim, capital punishment, crime and punishment proportionality, presumption of innocence, law interpretation.*

В приговоре по поводу всякого преступления судья должен действовать на основании строгой логики. Большая посылка — это общий закон; малая посылка — действие, согласное или противное закону; заключением является оправдание или наказание обвиняемого. Если су-

дья вынужден идти в своих умозаключениях дальше, или если он это делает от себя, все становится неопределенным и темным.

Нет ничего опаснее той общераспространенной аксиомы, что нужно руководствоваться общим смыслом закона. Принять эту аксиому, значит прорвать все преграды и предоставить закон потоку мнений.

Ч. Беккариа. О преступлениях и наказаниях

Счастлива та страна, где законы не составляют науки.

Ч. Беккариа. О преступлениях и наказаниях

Чезаре Бонесана Беккариа (1738–1794) — итальянский юрист, просветитель, основатель классической школы уголовного права. Основной работой, прославившей мыслителя и принесшей ему всеобщую известность в юридическом сообществе, является сочинение «О преступлениях и наказаниях» (1765 г.).

Модернизация уголовной юстиции и уголовного права по мысли Беккариа должна затронуть следующие сферы:

1) наказания должны соответствовать «природе преступления», т.е. быть соразмерными и целесообразными;

2) тяжесть наказания должна быть заменена неотвратимостью ответственности;

3) уголовный суд должен заниматься только применением законов, а не их толкованием;

4) смертная казнь должна быть заменена пожизненной каторгой;

5) целью наказания должно стать не истязание и кара, а исправление преступников и предупреждение новых преступлений.

О цели наказания. Теория соразмерности преступления и наказания

Ч. Беккариа ставит вопрос: «Какова политическая цель наказаний? — и сам же на него отвечает. — Устрашение, дабы другим неповадно».

Цель наказания состоит не в отмщении (государство как «политическое тело» не оснащено эмоциями) и не в восполнении понесенного ущерба (это уже произошло), а в том, чтобы предупредить возможность дальнейшего аналогичного вреда «общему благу» и обществу [5. С. 348]. «Цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же. Поэтому следует применять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей и были бы наименее мучительны для тела

преступника». Мыслитель писал, что наказание должно быть публичным, наименьшим из возможных в каждом конкретном случае, соразмерным преступлению и установленным в законе.

При этом сущность преступления видела мысль мыслителя в покушении на «общее благо», а само преступление — нарушением общественного договора, некогда заключенного гражданами с государством. «Единственным и истинным мерилom преступлений является вред, который они наносят нации». Наказание же, по словам Ч. Беккариа, должно по возможности быть сходным с самой природой преступления. Следовательно, за большее покушение на «общее благо» должно следовать и большее наказание, за меньшее — меньшее наказание. Иными словами, суровость наказания должна зависеть от тяжести преступления. «Высшую ступень ее [классификации преступлений] составляют те, которые разрушают непосредственно само общество, низшую — самое незначительное, какое только может быть, нарушение прав частного лица».

Беккариа выводит ряд постулатов:

1) никто не может быть назван преступником, пока не будет вынесен обвинительный приговор суда;

2) гражданское равенство перед лицом уголовного закона: «наказания должны быть одни и те же, что для первого, что для последнего гражданина»;

3) гражданское равенство в свидетельских показаниях. Беккариа указывал на недопустимость ограничения прав свидетельствования по признаку пола, вследствие бесчестия или недостаточного общественного качества;

4) судебные заседания должны быть открытыми, а добытые доказательства должны быть доступны и публике.

Ч. Беккариа связывал искоренение преступности с комплексом следующих мер: устранением нищеты и бедности, предостав-

лением равных возможностей всем группам населения, просвещением и воспитанием населения. «Хотите предупредить преступление? Сделайте так, чтобы законы были ясны и просты, чтобы все силы нации были сосредоточены на их защите...» [З. С. 394].

На основании изложенных принципов мыслитель приходит к выводу, что предпочтительнее предупреждать преступления, чем угрожать или карать смертной казнью. Если предупредительные меры оказались недостаточными и совершено преступление, соразмерное наказание должно последовать незамедлительно, без каких бы то ни было проволочек [1. С. 368].

«Не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступление», — отмечает мыслитель. «Люди в глубине души любят суровые законы, хотя в их интересах иметь умеренные законы, ибо они им подчиняются». Исполнители закона в отдельных случаях его применения, заключает Беккариа, должны быть неумолимы, но законодатель должен быть мягок, снисходителен и человечен.

О пытках и смертной казни

Беккариа протестовал против пыток, широко применяемых в тот период во всей Европе. «Пытка, — писал Ч. Беккариа, — есть жестокость, освященная практикой большей части наций, тем не менее в процессе пыток продолжают выбивать признание в совершении преступления. Загоняя в ловушку противоречий, устанавливают соучастников, под видом очищения от позора бесчестия обвиняемому вменяют преступления, к которым он мог быть причастен, но обвинение, в которых ему не предъявлено».

Показания, полученные под пыткой, далеко не всегда могут быть достоверными, поскольку «любое действие нашей воли пропорционально силе ощущаемого впечатления, своего источника. Однако чувствительность любого человека лимитирована. Следовательно, давление боли может, нарастая, заполнить его так, что не останется более никакой другой свободы, разве что выбрать кратчайший путь к прекращению мучений. Тогда ответ преступника будет по необходимости таким же, как эффект от кипятка или огня».

Беккариа пишет, что этот бесчестный способ открытия истины является и поныне сохранившимся памятником древнего и дико-

го законодательства, когда испытание огнем, кипящей водой и вооруженными поединками назывались судом Божиим. Понятное дело, заключает мыслитель, что из двух лиц, одинаково невиновных или одинаково виновных, более физически сильный и смелый будет оправдан, а более слабый и робкий — осужден. Скрытые и явные избиения, физическое насилие над подозреваемыми лишают уголовную юстицию всякого смысла и мало чем отличают действия правоохранительных органов от действий самих преступников.

«Другим нелепым основанием для пытки служит очищение от бесчестья, т.е. человека, признанного по закону оскверненным, принуждают подтверждать доказательства своей чистоты вывихом собственных костей. Подобное недопустимо в XVIII веке. Как можно верить в то, что физическая боль способна очистить от бесчестья, которое является понятием чисто морального свойства» [З. С. 391]. Ученый отмечает, что признание, сделанное под пыткой, считается ничтожным, если не подтверждено обвиняемым под присягой после нее.

Смертная казнь — это нечто иное, как «война нации с гражданином», т.е. возврат в естественное состояние. А тот факт, что смертная казнь веками существовала почти у всех народов, не оправдывает ее. В подтверждение Беккариа ссылается на то обстоятельство, что ее применение может быть результатом ошибки судей.

«Смертная казнь не является правом и не может быть таковою. Это — война государства с гражданином в тех случаях, когда оно считает полезным и необходимым лишить его жизни. Но если я докажу, что смертная казнь ни полезна, ни необходима, я выиграю дело человечества. Смертная казнь бесполезна и потому, что дает людям пример жестокости». Никто не имеет права лишать жизни и тем более отдавать жизнь на произвол судьбы. Более эффективно пожизненное лишение свободы, именно оно открывает перспективу более мучительную, чем смерть. Так как смертная казнь хоть и носит насильственный характер, но скоротечна по времени. Лишение же свободы может быть сопряжено с обязанностью физически трудиться во благо общества и претерпевать иные лишения, а также характеризуется видимой длительностью наказания.

Наконец, смертная казнь в соответствии с законом — противоречие по определению. За-

коны не могут запрещать убийство и одновременно предусматривать его в виде наказания. «Мне кажется абсурдным, — пишет мыслитель, — что законы как выражение общественной воли презируют и осуждают убийство, но сами допускают его и для отвращения граждан от убийства назначают убийство публичное» [7. С. 194].

Так, в качестве «блистательного урока» другим правителям Беккариа ссылается на правление русской императрицы Елизаветы Петровны, в царствование которой смертная казнь в России не применялась [4. С. 343].

Таким образом, смертная казнь не оправдана ни с моральной точки зрения (вызывает ожесточение у народа), ни с юридической (возможна непоправимая ошибка). Это было первое в истории человечества теоретическое обоснование отмены смертной казни [2. С. 129].

Однако несмотря на приведенную аргументацию Беккариа признает, что по крайней мере по двум причинам смертная казнь обоснована и возможна: «...когда нация теряет свою свободу или в период анархии, когда беспорядки занимают место законов».

О судейском усмотрении и толковании законов судом

Беккариа негативно относился к перспективе толкования законов под предлогом их «темноты». «Если толкование закона — зло, — писал Беккариа [6. С. 267], имея в виду подмену требований закона судейским усмотрением, — то их темнота, заставляющая прибегать к толкованию, не меньшее зло. И это зло будет гораздо опаснее, если законы написаны на языке, чуждом народу. Будучи не в состоянии судить о степени своей свободы или свободы своих сограждан, граждан попадает в зависимость от кучки посвященных, поскольку такой язык законов, непонятный народу, превращает кодекс из книги, всеми почитаемой и всем доступной, в книгу квазичастную и доступную лишь для узкого круга лиц.

Нетрудно представить себе, какова должна быть участь людей, если этот архаичный обычай все еще существует в большей части образованной и просвещенной Европы! Чем больше будет число понимающих и читающих священную книгу законов, тем меньше будет преступлений, поскольку совершенно очевидно: невежество и отсутствие ясного представления о наказаниях способствует небезданности страстей».

Беккариа исходил из следующей аксиомы: судьям не может принадлежать право толковать уголовные законы, так как они не являются законотворцами и эта функция не входит в их компетенцию. Задача судьи заключается в правовой оценке фактов, в том, чтобы выяснить, противоречат ли поступки, совершаемые тем или иным человеком, закону или нет. Иными словами, Беккариа в работе «О преступлениях и наказаниях» закреплял идею абсолютного приоритета закона и беспробельности права [9. С. 140].

Законы, как, впрочем, и законотворческая деятельность, есть продолжение суверенитета политического целого. Сам суверен может издавать законы, менять их, давать разъяснения и толкование, но не может судить за их нарушение. Эта функция судебных органов. Наказание же, определяемое судом, не может выходить за пределы, установленные законом, иначе оно несправедливо и не соответствует условиям общественного договора: «Как представитель всего общества суверен может издавать только общие законы, обязывающие всех, но не может сам судить, нарушил ли кто общественный договор или нет, так как в этом случае нация разделилась бы на две части. Одна, представленная сувереном, стала бы утверждать, что договор нарушен, другая — обвиняемый — отрицала бы это. Поэтому необходимо, чтобы кто-либо третий рассудил их...»

Давно известную юстиции коллизию «буквы» и «духа» закона в уголовном праве Беккариа предписывал разрешать в пользу буквального прочтения. «Нет ничего опаснее общепринятой аксиомы, что следует руководствоваться духом закона... Все наши знания, все наши идеи связаны между собой, и чем более они сложны, тем больше путей к ним и от них... Дух закона зависел бы, следовательно, от хорошей или дурной логики судьи... он зависел бы от силы его страстей».

По поводу всякого преступления судья должен построить правильный силлогизм, в котором большой посылкой служит общий закон, а малой — конкретный поступок, противоречащий или соответствующий закону; заключение — оправдание или наказание. Если же судья по принуждению или по собственной воле построит не один, а два силлогизма, то тем самым он откроет лазейку неопределенности.

Нет ничего опаснее банальной истины, предписывающей руководствоваться духом за-

кона, что является иллюзорной преградой на пути потока мнений... Каждый человек имеет свою личную точку зрения, которая меняется со временем. Так что дух закона был бы подвержен, следовательно, влиянию хорошей или дурной логики судьбы, нормальной или плохой работе его желудка, зависел бы от силы обуревающих его страстей, от его слабостей и его отношения к потерпевшему. Словом, от малейших причин, способных вызвать в человеческой душе, подверженной постоянным колебаниям, искаженный образ любого исследуемого предмета. Поэтому-то мы видим, как судьба играет человеком при рассмотрении его дела различными судами. И жизнь несчастного приносится в жертву из-за ошибочных выводов или мимолетных капризов судьбы, который уверен в правомерности принимаемого им решения на основе хаотичных представлений, витающих в его мозгу. Поэтому-то мы видим, что одни и те же преступления в тех же самых судах по-разному наказываются в разное время. Причина этого заключается в том, что судьи не прислушиваются к постоянному и отчетливому гласу закона, а идут на поводу у толкования, ошибающегося и непостоянного [8. С. 311].

Беккариа осознавал, что точное следование букве закона может быть и неразумным, но «невыгоды от строгого соблюдения буквы уголовного закона незначительны по сравнению с невыгодами, порождаемыми его толкованием». Строгое следование букве закона не допускает судебного произвола, чревато возникновением необоснованных и своекорыстных споров. Если законы кодифицированы и подлежат буквальному исполнению, ограничивая роль судьи рассмотрением деяний, совершенных гражданином, и оценкой их соответствия или несоответствия писанному закону, если норма, определяющая правомерность или неправомерность каких-либо действий, которой должны руководствоваться все граждане от простоя до философа, не является предметом спорного толкования, а четко установлена, то в этом случае подданным не угрожает мелочный деспотизм большинства [3. С. 390].

Да и сегодня невозможно однозначно определить преимущество толкования соизмерно «букве» или «духу» закона. В пользу предпочтения «духа закона» — многовековая традиция юриспруденции римского права, ставившая во главу угла справедливость юстиции. В пользу первого — необходимая, увы, борьба с субъективизмом юриспруденции.

Единичность истины здесь не очевидна. Важно лишь иметь в виду, что предпочтение «буквы закона» исторически идет рука об руку с укреплением строго централизованного правоприменения. Ценность такового тоже относительна. Но в эпоху Беккариа не было иного исторического пути укрепления законности вообще и придания ей сколько-нибудь общественного смысла [5. С. 349].

Вклад мыслителя в развитие юриспруденции был поистине огромен. Такие идеи Беккариа, как равенство перед законом и судом, презумпция невиновности, соответствие тяжести наказания преступлению, были восприняты доктриной уголовного права и уголовным законодательством подавляющим большинством европейских государств (Франции, Италии, Швейцарии, Испании, Англии, Дании и др.). А концепция Беккариа, гласившая, что наказание не должно быть насильем одного человека над другим и призвано предупреждать преступления, была революционной даже для уголовно-правовых учений эпохи Просвещения и по сути дела развернула существующую уголовную политику на 180 градусов, что придало ей новый смысл и вектор развития.

Литература

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. Т. 3 / Д. Антисери, Дж. Реале. СПб. : Пневма, 2002.
2. Власов В.И., Власова Г.Б., Денисенко С.В., Цечоев В.К. История политических и правовых учений / В.И. Власов и др. М. : Юрайт, 2013.
3. История государственно-правовых учений : хрестоматия / авт.-сост. С.В. Липень; под ред. В.В. Лазарева. М. : Спарк, 2006.
4. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений В.С. Нерсесянц. М. : Норма, 2007.
5. Омельченко О.А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве) / О.А. Омельченко. М. : Эксмо, 2006.
6. Правовая мысль : антология / авт.-сост. В.П. Малахов. М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003.
7. Рубаник С.А. История политических и правовых учений : академический курс С.А. Рубаник. М. : Юрайт, 2012.
8. Теория государства и права : хрестоматия. Т. 2 / авт.-сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. М. : Юрист, 2001.
9. Явич Л.С. Общая теория права Л.С. Явич. Л. : Изд-во АГУ, 1976.

Суд в греческой трагедии: закон и литература

*Исаев Игорь Андреевич,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье разбираются важные аспекты историко-правовой традиции — судопроизводства в Древней Греции. На мифологическом и литературном материале греческой трагедии прослеживается основная идея, характерная для нарождающегося права, традиции которого воспримет позже Европа. Речь идет о столкновении норм обычного и позитивного, устного по преимуществу права. Элементы священного закона взаимодействовали с уставными нормами древнего государства. Такие элементы процесса, как гласность, состязательность, выборность судей, составляли важное историческое наследие для будущих правовых систем, воспринимавших опыт Греции.

Ключевые слова: закон, право, суд, толкование, истина, преступление, кара, наказание, вина, защита, справедливость.

The Court in the Greek Tragedy: Law and Literature

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the State and Law History Department
at Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

In this article important aspects of historical and legal tradition, namely, legal proceedings in the Ancient Greece are considered. The main idea characteristic for the arising law, traditions of which will be later apprehended in Europe, is traced on a basis of mythological and literary material of the Greek tragedy. The question is collision of norms of the customary law and positive, mainly oral law. Elements of the sacred law interacted with statutory norms of the ancient state. Such process elements as publicity, competitiveness, electivity of judges had formed an important historical heritage for the future legal systems that perceived the Greece experience.

Key words: Act, law, court, interpretation, truth, crime, penalty, punishment, fault, defense, equity.

У Гесиода *ате* не только все еще означало бедствия чисто объективного характера, но приобретало значение глобальной «катастрофы» и «краха». Гесиод говорил, что «слово не может исчезнуть бесследно, коль скоро множество людей его повторяют», ибо оно само по себе является чем-то божественным: «Власть слова в отрыве от человека как его источника, рассматриваемая нередко как божественная, легко становится магической... В безличной речи проявляется воля богов, и боги изрекают, что позволено делать»; именно через эти высказывания и можно прийти к идее божественного права. (В римском *fas* уже нет ничего, указывающего на специфический характер этого права, но именно к нему восходит представление о торжественном провозглашении слова — об изреченном соизволении, дозволяющей или запрещающей воле богов.) В этом и заключается какая-то таинственная сверхчеловеческая

власть слова¹. (Джанбаписта Вико сделает вывод о происхождении всего древнего права именно из торжественно произносимых словесных формул, ссылаясь при этом на практику римского раннего права.) Всякое слово, произнесенное властью, как бы предопределяет некоторое реальное изменение в мире, создает нечто, и это скрытое качество выражает силу и дает жизнь закону. («Перелом» или изменение (*peripeteia*), по Аристотелю, всегда означает «перемену делаемого в свою противоположность...вероятную или необходимую» (к такому результату приводят, например, действия вестника в «Эдипе»). Узнавание же есть только особая форма перемены, ведущая от незнания к знанию — узнавание тем лучше, чем теснее оно связано с «переломом».

¹ См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М, 1995. С. 323.

Действия власти, оформленные словом, составляют существо политического. Политика — череда перемен, подобно тому, как демократия — множество дифференциаций и противоречий. Греческий полис первым в истории создал и сформулировал современное понятие политического: «Политика по необходимости подвержена риску, но риску не необходимому». Она переворачивает установленный порядок целей и индивидуальных интересов, разрушает земную ориентацию с точки зрения индивида: «Государство, которое не практикует подобные «трансформации», в свою очередь преобразуется в частную ассоциацию, где доминирует уже рациональность частного права (Гегель)²».

Божественное слово означает проявление божественной воли, т.е. первичного закона. Невыполнение или неподчинение ему непременно вызывало кару. Указующие повеления доносились как с Олимпа, так и из-под земли: грек воспринимал внешний мир посредством зрения, а голоса богов посредством внутреннего слуха. (Демон, некогда вещавший Сократу, был опасен уже тем, что он не был простым посредником богов, но давал человеку советы и откровения прямо от своего имени.) Внутренний голос формулировал для человека закон, непреходящий и вечный, оракулы же только уточняли, а подчас и затуманивали сообщавшиеся повеления.

Сакральное вещание от Аполлона имело тот же самый исток, что и прорицания от Великой матери (Земли) и Пифона — подземного Диониса, из подземной могилы которого пифия в Дельфах воспринимала свои оракулы. В трагедии Еврипида Дионису противостоит Пенфей, восставший против неодобрительно наблюдаемого им вакхического безумия (в ответ хор однозначно называет его «злоречивым и нечестивым глупцом». Сам же он осуждал только истинность блаженства толпы, обуянной безответственными богами.) Но орфикам удалось тем не менее в пику олимпийцам в Дельфах и Элевсине сохранить и даже узаконить некоторые архаичные формы такого дионисийского коллективного оргазма: «Стихийный экстаз освобожденного духа и радость божественного единения в дионисийских таинствах все еще обладали неоспоримой ду-

ховной самоценностью»³. (По сути же как раз Пенфей и воплотил в себе некий жертвенный аспект богослужения, выступая одновременно и жертвой и богом: лев и змей, две ипостаси Диониса, с которыми Пенфей отождествлялся в состоянии безумия, говорят о его вероятном посмертном посвящении в таинства победоносного Диониса.)

Мораль трагедии Еврипида была выражена в словах: «Взглянув на эту смерть, в богов уверуй». «Фундаментальной заповедью эллинистической философии становится мнение, согласно которому лучшее для человека — отрешенное созерцание. Созерцательная жизнь была поставлена Пифагором выше жизни ради действия, равно как и выше жизни ради наслаждения»⁴. В греческой трагедии божественное всегда было тайной и порядком, всевластием и всемогуществом, и у него был свой собственный закон. Бог царствовал непознаваемым, а предсказания оставались только туманным языком, на котором боги обращались к людям, признанием его присутствия, но только одно это еще не позволяло понять богов или судить о них. Для человека это было не столько предопределением, сколько случаем лишнего раз убедиться во всеведении богов, созерцать необходимость и закон⁵. (Божественная власть санкционировать воплощение человеческого выбора и замысла и позволять ему осуществиться обозначалась особым термином. Это было право приостанавливать любое политическое или правовое решение или санкционировать его, т.е. «быть облеченным исполнительной властью». Божественное одобрение «кивок божества» превращало слово в дело: в основе акта лежал сакральный жест, которым божество «даровало осуществление тому, что в противном случае осталось бы только словом»⁶.)

Толкования священного закона были уже вторичными действиями, так и не раскрывающими до конца смысла велений. Истинное их содержание и последствия знали только боги: истина — сама по себе божественна и не может быть достоянием человека.

² Цит по: Каччари М. Геофилософия Европы. М., 2001. С. 61.

³ См.: Фокин В. Первоосновы посвящения. М., 2008. С. 433–434.

⁴ Тойнби А. Постигание истории. М., 1996. С. 268.

⁵ См.: Боннар А. Греческая цивилизация. М., 1959. Т. II. С. 119.

⁶ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 268.

Проблема поиска истины в «Царе Эдипе» выражена в деятельности героя, неустанно стремящегося к истине, как бы безжалостна она ни была к нему. Софокл не просто стремится доказать незыблемость божественных прорицаний и бессилие человека перед лицом рока, к этому добавляются еще и усиленные поиски вины Эдипа, но трагическая двусмысленность выражается в том, что сам поиск, проникая в недра и глубину жизни, разрушает ее непосредственную данность. «Эдип следует трагической логике Аякса, т.е. осуждает себя за самоослепление, исходя не из субъективного намерения, а из объективного результата. Но в то время, как трагедия Аякса возникает вследствие вмешательства божества, отчуждающего действие от его носителя и превращающего субъективно оправданный замысел в поступок, позорящий совершившего, трагедия Эдипа коренится в ограниченности, экзистенциально присущей самому человеческому знанию: все разумные меры, принятые Эдипом и его родителями в прошлом и принимаемые им самим в настоящем, все равно привели к прямо противоположному результату»⁷. Субъективная истина героев никак не совпадает с объективной истиной, им неизвестной. Добродота их намерений еще ничего не значит, им не дано предугадать последствий своих действий. Даже принимаемые ими законы «слепы». Все вокруг определяет божественная воля, по-настоящему «объективная», чуждая как умыслу, так и неосторожности человеческих поступков. «Истина — это нечто самоутверждающееся на тех или иных основаниях, нечто пребывающее наверху, нисходящее сверху, это повеление, причем и сам «верх», само «высшее», сам «господин» того или иного господства проявляется в различных обликах: господин — это воля к власти. И в понимании греков основная особенность неистинного и ложного — это сокрытие»⁸.

Видение же — главная функция трагического познания. При этом внешнее зрение здесь только вторично и необходим переход к другому, внутреннему видению: у Эдипа вначале налицо слепота «зрячего слепца», затем — слепого провидца и ясновидящего. Эдип совершил два самых тяжких преступления по неведению, по своей «слепоте», т.е. поневоле, но все это как раз и означает настоящую сле-

поту: «Слепота зрячести оборачивается в зрячесть слепоты». (Сам Эдип не знает, а Тиресий знает, что Эдип «отцеубийца и муж своей матери». Но Тиресий получил свое прозрение от богов как достойную плату за свое ослепление, Эдип же сам обретает свое прозрение как искупление за страдания, и в обоих случаях видение превращается в ведение.)

Термин, которым обозначался главный мистериальный акт «показывания», означал одновременно и «посвящать», и «представлять». («Мольба или заклинание сопровождала и в мистерии, и в драме приход к закрытым дверям»: эсхилловские Гикетиды, прибывшие издалека, молят у входа в город, чтобы их приняли, впустили в чужую землю. Молят также перед смертью о спасении, о подаче жизни, — впустить, принять, освободить или похоронить — в мифе все это означает спасти и возродить: понятийное же понимание вкладывало в эти образы уже совсем новый смысл.) Мифологическое воображение персонифицировало понятие, включенное в содержание слова, представив, например, «орка» в качестве карающей силы, вырывающейся на волю в случае произнесения ложной клятвы, означающей некую субстанцию, наделенную зловещим потусторонним могуществом и призванную наказывать нарушителей клятвы. (Клятва была только предвосхищением ордалия, устойчивым ритуалом, обеспечивающим и освящающим заверение или договор. Но клятва соотносилась и с негативным свойством — «быть проклятым», — наиболее страшным состоянием, какое могло ожидать человека, — ведь проклятого мог безнаказанно убить каждый.) Как только священное слово было произнесено в соответствии с принятой формой, присягнувший потенциально вступал в состояние *sacer*, «которое оказывалось реальным и действительным и вызывало мщение богов, в случаях, если нарушались принятые обязательства»⁹.

Проблема видения в аспекте «ослепления» открывалась как идея возмездия, переходящая из сферы познания в сферу этики, из области «истины» в область «природы» (Я.Э. Голосовкер): образ «богини правды и справедливости» (земной правды) — Фемиды, выступает здесь как ипостась Земли и вещего знания мойр. Но она же — и беспристрастие: «Ничто не должно воздействовать на познание правды и приговор: ни восхищение, ни отвращение, ни сострадание, ни страх, ни гнев. Красота, упор-

⁷ Ярхо В.Н. Трагический жанр Софокла // Софокл. Драммы. М., 1990. С. 484.

⁸ См.: Хайдеггер М. Парменид. СПб., 2009. С. 120

⁹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 341.

ство, отвага, мука, мольба во взоре могут обмануть зрение судьи: поэтому на глаза Фемиды надевается повязка. Теперь справедливость обеспечена»: символом повязки как бы устраняется эстетический аспект, но взамен усиливается аспект этический. Если сам Зевс есть природа, то за проникновение в тайны природы человек расплачивается слепотой»¹⁰. (В мифе выведен даже особый образ силы, ослепляющей человека, образ обмана, — «обман ослепляет»).

Трагедия Нарцисса (в трактовке Овидия) заключалась в том, что он утратил чувство меры, перепутав иллюзию с реальностью и осудив себя на то, что будет любить только видимость, которая никогда не удовлетворит потребность души. (Данте поместил Нарцисса в Чистилище вместе с фальшивомонетчиками, повинными в том, что довольствовались фальшивыми деньгами, являвшимися лишь видимостью настоящих¹¹.) Когда неистинное принимается за истину, приходит беда. Поэтому истину следует искать тщательно и беспристрастно. Это и есть главная задача законодателя, которому не следует обольщаться по поводу принимаемых им законов.

Для политической жизни полиса истина составляла ту идеальную основу, чья ценность определялась и формулировалась при демократии ораторами, а при государе — его советниками. Чтобы жизнь государства была действительно связана с истиной, нужно было либо предоставить несущее ее слово всем (а их, т.е. граждан полиса в драме изображает хор), либо довериться мудрости государя: здесь и появляется проблема «наставления душ и их поведения» — как воздействовать на душу государя? Кто может быть творцом хорошей *paigēsia*? (или права свободно высказывать свое мнение в полисе). Высказывание, говорение с целью повлиять на принятие политических решений полисной общиной оставалось привилегией свободного человека.

Но проблема заключалась в том, что такое высказывание мог сделать любой гражданин. Под вопросом оставалось качество высказывания, и еще Платон предупреждал, что как «отсутствие правдивой речи составляет главную черту демократической души», так и дурное действие высказываний в государстве

порождает анархию, свойственную плохой демократии. Демократический человек — этот обладатель души, «пренебрегающий правдивой речью», проникает в политическую жизнь демократии, осуществляя здесь влияние и власть. Но в его жизни никогда не бывает настоящего порядка, здесь не царит необходимость. Поэтому он будет осуществлять над другими такую власть, которая желанна только сама по себе и только для него.

Это отсутствие в демократии по-настоящему «правильной речи» связано как раз с тем, что здесь каждый может произносить какие угодно речи и тем не менее же оказывать определенное политическое влияние. При демократическом равновесии *paigēsia* становится критерием и стимулом дифференциации и разрыва; в хорошо же устроенной монархии — она становится формой, гарантирующей согласно Платону правильное функционирование государства: но для этого монарх должен будет внимательно слушать говорящего правду советника¹².

Даже хорошие законы страдают от такого недостатка, как «слепота», полагал Ксенофонт, а тирания, между прочим, вполне может удовлетворять самым взыскательным политическим вкусам и стандартам. Власть, черпающая свою легитимность из выборов, часто оказывается не лучше, чем жесточайшая тираническая власть, проистекающая из силы и обмана: «Тираническое правление, как и правление «конституционное», будет легитимно лишь в той мере, в какой тиран или «конституционные» правители готовы слушать совета того, кто «хорошо говорит» из-за того, что он хорошо думает, т.е. внемлет советам достойных людей. Конечно же содержание законов и сама законность зависят от политического строя общества, на который они распространяются. Но отождествление понятий «справедливое» и «законное» не позволяет провести границу между справедливыми и несправедливыми законами — ведь существуют такие элементы справедливости, которые выходят за рамки, очерченные законом. Так, распределительная справедливость Аристотеля независима от закона, это — справедливость в делах и действии»¹³.

Полисная демократия характеризовалась наличием номоса, т.е. того, что на практике ре-

¹⁰ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1997. С. 58–59.

¹¹ См.: Мельшиор-Бонне С. История зазеркалья. М., 2005. С. 179.

¹² См.: Фуко М. Управление собой и другими. СПб., 2011. С. 212–215.

¹³ Штраус Л. «О тирании». СПб., 2006. С. 133–134.

гулирует политическую игру и осуществление власти в рамках закона, т.е. традиции или основополагающего принципа, а также *parrësia*, являющегося лишь дополнением к конституционному праву — т.е. свободы произносить речи, оказывающие реальное влияние на политику (у Полибия это уже вполне статусное право говорить и влиять, связанное с самой политикой, устройством города). Политическая деятельность оказывалась прямо связанной с высказываниями правды, а *parrësia*, в свою очередь, соединяла проблему закона и общественного устройства с реальной проблемой политической деятельности, т.е. юрико-институциональной системы, власти, имманентной обществу, власти, становящейся правлением в действительности.

Трагедия как раз и предлагала свою собственную картину осуществления власти через такую «правдивую речь»¹⁴. Но такая убеждающая правдивая речь сама по себе уже представляла целую совокупность проблем, процедур и техник, посредством которых власть и осуществлялась. Речь сама по себе означала только форму политической активности, не более того (позже риторика и ораторское искусство станут ее составляющими частями) — говорить значило осуществлять право и судить, и можно заметить, что вся трагедия состоит из сообщений, суждений и осуждений — и в этом ее «политическая и государственно-правовая» сущность: политическая и правовая истина могли быть открыты только в процессе говорения, точнее, «правильного говорения».

В греческой драме сами боги не обладают *parrësia*, она есть сугубо человеческая практика, право и риск: Еврипид (наиболее секулярно мыслящий трагик) называл три соответствующих полису практики — политическую, статутарную, связанную с привилегиями; нравственную, порождаемую несправедливостью, и судебную. Но только политическая форма высказывания стала центральной для трагедии, тогда как две другие формы играли здесь лишь роль инструментов. (Иона в одной из трагедий использует высказывание для того, чтобы произвести политическое преобразование в Афинах, позволяя их жителям также высказывать свое мнение по проблемам, затрагивающим дела города и демократии: Еврипид соответственно различает здесь и три категории граждан, имеющих разное отношение к этим

проблемам)¹⁵. Хорошая же *parrësia* в драме и политике всегда отмечена логосом, наличием разума, который обеспечивает правильное сочетание политеи (государственного идеала) и политической деятельности в целом, представляя собой модель идеальной демократии: говоря правду, тот, у кого хватает мужества произнести правильную речь, оказывает свое влияние, благодаря чему город принимает правильное решение, приемлемое для всех. Плохая же *parrësia* (на практике настойчиво вытесняющая хорошую) — это говорение о чем угодно, лишь бы это было хорошо воспринято. Тем самым из демократии исключаются истина и правда. Опасность же заключена уже в самой двусмысленности подобного высказывания, которому законом полиса предоставляется юридическое, конституционное, институциональное право, позволяющее всякому гражданину произносить речь любого смысла и в любых формах — политической, юридической, защитительной или обвинительной судебной и т.п. Ведь сама эта речь всегда разворачивается в политическом пространстве. Трагедия наполнена такими речами.

«Помимо идеального государства, помимо совершенных законов, помимо хорошо обученных и должным образом выполняющих свои функции должностных лиц нужно было еще, чтобы граждане вели себя так, как того требует закон государства, и составляли бы целостность, необходимую государству для выживания, — гражданам нужна еще одна правдивая речь, нужно, чтобы кто-то открыто обратился к ним, произнес правдивую и разумную речь и убедил их»¹⁶.

Но если греческая *parrësia* или способность говорить открыто вскоре должна была забыть о логосе и гармонии и если грек не стал уже более основывать на этом свой номос, т.е. закон, призванный упорядочить определенную территорию своего полиса, то и свобода здесь должна была скоро превратиться во вражду, обрекая полис на погибель, — однако это и есть драма Софокла, свидетелем эпилога которой стал Платон. Идеальный полис, который еще только предстояло построить, уже находился по естественным причинам в состоянии войны. Поэтому и политическое искусство должно было стать существенной и действенной частью политики (этим и объясняется особый статус страстей в «Государ-

¹⁴ Фуко М. Указ. соч. С. 170–172.

¹⁵ См.: Фуко М. Указ. соч. С. 167–168.

¹⁶ Фуко М. Указ. соч. С. 217.

стве» Платона): ведь когда сами боги стояли у руля, тогда не было места ни *stasis* (гордыне и внутреннему мятежу), ни *eris* (духу вражды). Философ-правитель должен был знать технику полемоса, если хотел придать нужную форму полису и урегулировать выраженные разногласия: «В истинном полисе порядок мира утверждается отнюдь не через войну, а посредством силы примиряющего слова, в силу добрых законов, справедливости, мудрости и умеренности судей» («Законы» Платона)¹⁷. Но не бывает полиса без полемоса (спора), и никакое ораторское искусство уже не могло предотвратить того, что полемос стал быстро вырождаться в самовластие, а сила «усиления и разрастания» автоматически порождать зло: «необходимость как гроза нависла над городом, который только так и должен был выразить свою силу, — ей нельзя было избежать приказов, однако уже сам процесс командования и приказывания неизбежно порождает новые формы вражды. Ибо повеление всегда существует как тирания»¹⁸.

Мифологическая образность теперь уступала место формализованной понятийности скрытого в ней закона. Его необходимо было выразить и описать теперь уже словами, а не просто увидеть и показать. Рационализм пошел рука об руку с секуляризацией — от Эсхила до Еврипида трагедия постепенно уходила от своих мистериальных истоков к формам текстуального артикулирования: Закон становился «словом», чтобы затем стать «буквой».

Прежде Зевс всегда являлся одновременно верховным законодателем и судьей, Гора, богиня государственного распорядка, Эвномия — «благозаконие», обеспечивала справедливость в судопроизводстве и привлекала к судебной ответственности. Пеня была богиней кары и возмездия. Но все основные правовые функции — установление начал права и государственности, порядка и морали — находились у Зевса, которого поэтому и называли «дающим людям законы», а Софокла и Еврипида называли его «блюстителем законов». Со временем эта роль вседержителя подвергается сомнению и закон обретает самостоятельную, человеческую жизнь.

Человеческие качества приписываются богам и героям. Этим обусловлена и разворачивающаяся в трагедии «война законов».

Полулюди-полубоги (такие как Солон, Тесей) создают законы «по-настоящему справедливые». Это не просто законы города, это «естественные» законы, присущие всем людям и основанные на справедливости. С ними вынуждены считаться боги и их защищают герои.

Миф и трагедия неизменно освещали и комментировали серьезный космический и надчеловеческий конфликт, разворачивающийся между двумя сверхъестественными силами — Зевсом и Прометеем. В эсхиловом мифе Зевс, получив дерзкий «вызов» от своего оппонента, терпит поражение: он не собирается совершать космический акт творения и обеспокоен лишь тем, чтобы оставить все как есть: Вселенная должна пребывать в неподвижности. Прометей же бросает ему вызов, поставив под сомнение власть и поступки бога и тем самым заставив его применить насилие. Но этим принудительным актом Зевс сам нарушает космическое равновесие, в результате чего терпит поражение, а Прометей через свои страдания идет к победе. (В недошедших до нас пьесах «Прометей освобожденный» и «Прометей — огненосец» Зевс в итоге примиряется с титанами и Прометеем.) (Арнольд Тойнби находит аналог эсхиловскому Зевсу в исторической победе ахейских варваров над цивилизацией миносского Крита. Поработив минойцев и обосновавшись на Крите, дорические варвары как бы застыли в неподвижности в своем развитии. В параллельном этим событиям мифе Зевс, не сумевший единолично победить Кроноса, прибегает к помощи союзника — Прометея, персонажа, олицетворяющего творческий и непрерывный рост. Он знает, что пока сам Зевс активен, всякий претендент на власть потерпит крах, и поэтому он не дает Зевсу покоя. Но за нарушение своей воли Зевс мстит Прометею, превращаясь в настоящего тирана, поэтому даже его бывшие союзники, космические силы, от него отрекаются. «Тайна же заключена в том, что Зевс, сохраняя свое застывшее тираническое правление, обречен на падение». Зевс был «не совсем тем, чем он казался, поскольку в нем уже скрытно жил дух союза с его же противником. В нем как бы теплится слабый ответ прометеевского огня, и примирение Зевса с Прометеем стало возможным потому, что их конфликт разгорелся в большое пламя, благодаря как раз этой прометеевой искре»¹⁹.)

¹⁷ Каччари М. Геофилософия Европы. М., 2001. С. 28, 38–40.

¹⁸ Каччари М. Указ. соч. С. 53.

¹⁹ Тойнби А. Указ. соч. С. 210–211.

Этическая эволюция трагедии способствовала нарастанию и усилению индивидуализации и субъективности в эллинской культуре. Уже Еврипид предоставляет человеку право спорить с богами. Но еще и Антигона намекала на высокую значимость именно человеческого закона и традиций, а божественный закон все более превращался только в образец для человеческих законов, но уже не действовал непосредственно в земном мире.

Но вместе с этим в трагическом действии усиливается и роль фактора насилия и реального зла, которые несут на себе собственно человеческие поступки. Теперь человек не должен только пассивно воспринимать указания трансцендентной институции — он сам способен активно действовать. Он сам принимает свою ответственность и даже ищет ее, он жаждет делить власть над людьми с богами. Очищение и воздаяние, ранее составлявшие сердцевину закона, уступают место ответственности, а значит и «свободе в преступлении закона» (Ницше первым обратил внимание на эти изменения в трагическом и просто перенес центр тяжести с противоречия, скрытого в разуме, на противоречие, скрытое в самих вещах» (Я.Э. Голосовкер). Он не выступал как судья трагедии, он прямо утверждал право на преступление и ставил виновного выше невинного. Трагедия Эсхила по Ницше — это прославление активности как таковой в противовес трагедии Софокла («Эдип»), где было дано прославление пассивности.) Активность, понятая как «активность греха», и есть настоящая прометеева доблесть. Ядро мифа о Прометее здесь раскрывается как необходимость и неизбежность преступления, так как «лучшее, что может достичь человек, он может достичь только путем преступления», чтобы затем принять на себя всю силу ниспосланных ему страданий и горестей: этическая подоплека у Эсхила — ни что иное как только оправдание зла в смысле человеческой вины и вытекающего отсюда страдания. Преступление и вина здесь порождены взаимопроникновением разных миров, каждый из которых за свою обособленность должен расплачиваться страданием: «Действенность и двусмысленность Прометея проистекают из стремления быть опорой всей «множественности обособленных в мире» и в то же время — из жажды поглотить их в себе, быть одновременно и

творцом, и властелином»²⁰. Такова зловещая и многообещающая более поздняя интерпретация трагического мифа.

Сам же Эсхил все еще верил в вечно царящую «правду-судьбу» и жаждал справедливости. Он хотел показать все бессилие индивида в его борьбе с природой, если конечно же тот не будет сочетать своего дерзновения со знанием законов: Прометей предупреждает Зевса о грозящей опасности, если тот не вступит в союз с ним: вина и кара объективистски оправданы в трагедии, поскольку все существующее в этом мире одновременно справедливо и несправедливо, но в обоих случаях одинаково оправдано уже своим существованием (Ницше). И трагедия Прометея видится в том, что в нем пассивное и статичное познание и созерцание убивают действие, ведь для действия всегда нужна иллюзия, деликатно скрывающая неправду, но вместо этого огонь вечного мятежа вместе с орудием убийства «путем вины и кары» Прометей передает им же созданному человеку с тем, чтобы человек освободил себя сам²¹.

Литература

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. М., 1995. С. 323.
2. Боннар А. Греческая цивилизация / А. Боннар. М., 1959. Т. II. С. 119.
3. Голосовкер Я.Э. Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. М., 1997. С. 59–59, 110–111.
4. Каччари М. Геофилософия Европы / М. Каччари. М., 2001. С. 28, 38–40, 61.
5. Мельшиор-Бонне С. История зазеркалья / С. Мельшиор-Бонне. М., 2005. С. 179.
6. Тойнби А. Постижение истории / А. Тойнби. М., 1996. С. 268.
7. Фокин В. Первоосновы посвящения / В. Фокин. М., 2008. С. 433–434.
8. Фуко М. Управление собой и другими / М. Фуко. СПб., 2011. С. 212–215.
9. Хайдеггер М. Парменид / М. Хайдеггер. СПб., 2009. С. 120.
10. Штраус Л. О тирании / Л. Штраус. СПб., 2006. С. 133–134.
11. Ярхо В.Н. Трагический жанр Софокла / В.Н. Ярхо // Софокл. Драмы. М., 1990. С. 484.

²⁰ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1997. С. 110–111.

²¹ См.: Голосовкер Я.Э. Указ. соч. С. 111–112.

Участковый мировой судья Михаил Иванович Капустин: «Ум и знания создали ему репутацию одного из самых умных людей в Перми...»*

*Попп Иван Александрович,
доцент кафедры рекламы и связей с общественностью
Уральского государственного педагогического университета,
кандидат исторических наук
popp82@mail.ru*

В статье рассматриваются жизнь и деятельность мирового судьи Пермской губернии М.И. Капустина, который с самого начала введения Судебных уставов 1864 г. ежедневно трудился над созданием действительно «скорого, близкого, справедливого и гласного суда». На плечи первых судей выпало решение всевозможных организационных проблем мировой юстиции, от решения которых зависела успешность проведения судебной реформы на местах.

Ключевые слова: мировая юстиция, Пермская губерния, местный суд, М.И. Капустин, Судебные уставы 1864 г.

Precinct Justice of the Peace Mikhail Ivanovich Kapustin: “His intelligence and Knowledge Developed his Reputation of One of the Most Able Men in Perm...”

*Popp Ivan A.,
Assistant Professor of the Advertising and Public Relations Department
at the Ural State Pedagogical University,
Candidate of Historical Sciences*

The article discusses life and activities of a magistrate of Perm province M.I. Kapustin, who from the beginning of implementation of Judicial Statute of 1864 daily worked on the creation of actually 'fast, close, just and vocal court'. The first judges were to decide multiple organisational problems of peace justice, on which depended the success of the judicial reform.

Key words: peace justice, Perm province, local court, M.I. Kapustin, Judicial statute of 1864.

Судебные уставы 1864 г. не только создавали условия для организации всесословного, скорого, гласного, близкого суда к населению, но и мобилизовали лучших представителей общества в ряды пореформенных судебных деятелей. К сожалению, многие из судей-практиков, на местах внедрявших новую судебную систему, неизвестны современным россиянам. О людях, от которых зависело качество организации провинциального судопроизводства, в большинстве случаев сохранились разрозненные сведения. Необходимо не только вспомнить о выдающихся местных судьях, но и с помощью биографических исследований понять

достижения и проблемы выборных местных судебных учреждений. Одним из замечательных представителей мировой юстиции был Михаил Иванович Капустин — знаменитый участковый мировой судья Пермской губернии.

М.И. Капустин — сын священника, первоначально соблюдавший семейные профессиональные традиции: учился в Далматовском духовном училище, затем — в Пермской духовной семинарии, а в 1858 г. поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1862 г. «по первому разряду». После этого вернулся в Пермь, где преподавал логику, психологию, немецкий язык, древние языки и философию. Его дочь Екатерина Михайловна Капустина позднее вспоминала, что «благодаря знанию языков, особенно немецкого, он

* Работа выполнена в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 13-14-66003 а(р).

следил за всеми новинками по философии и другим наукам, а также и за иностранной литературой. В Москве достать книги было легче, и он в полной мере удовлетворял свою потребность к знанию. Возвратясь в Пермь, он продолжил горячо интересоваться наукой и литературой и почти все свои деньги тратил на книги. Позднее, когда он был мировым судьей, у него всегда был открыт кредит в книжном магазине, массу книг он выписывал из столиц и даже из-за границы»¹.

В отличие от Пермской духовной семинарии, где воспитание основывалось на «сечении и пресечении» и проходило под лозунгом «страх и трепет», М.И. Капустин с большим уважением относился к «первоначальному церковному воспитанию», которое получил «в стенах духовного училища, помещавшегося в стенах монастыря». Впоследствии в письме к настоятелю Далматовского монастыря он с теплотой вспоминал о детских годах, проведенных в стенах «Вашей Богоохраняемой обители», история которой «возбуждает интерес всякого любознательного человека»². В этом училище «перу учились все пятеро моих (М.И. Капустина) старших братьев», один из которых — архимандрит Антонин (А.И. Капустин) сделал блестящую церковную карьеру: окончил Киевскую духовную академию и получил назначение настоятелем при Русской посольской церкви в Афинах, а затем был назначен настоятелем русской духовной миссии в Иерусалиме, «где оставался до конца жизни»³.

В 1873 г. на Урале начала проводиться судебная реформа 1864 г., и в возрасте 35 лет М.И. Капустин резко изменил свою профессиональную деятельность: избран мировым судьей 7-го участка Пермского судебного-мирового округа на первое трехлетие. На этот момент он уже считался интеллектуалом. Его жена владела домом в Перми, оцененным в 3000 рублей. Поэтому без особых трудностей простым большинством голосов гласных чрезвычайного Пермского уездного собрания был выбран на должность судьи⁴.

¹ ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 118. П.1. Д. 1. Л. 2.

² Там же. П.4. Д. 11. Л. 2 об.-4.

³ Там же. П.2. Д. 1. Л. 1–2 об.

⁴ ПГВ (Пермские губернские ведомости). 1873. № 26. С. 174; Журналы IV чрезвычайного Пермского уездного земского собрания. Пермь, 1873. С. 12.

Несмотря на то, что 7-й участок включал обширные сельские территории, где проживало крестьянское население, судившееся преимущественно в волостных судах⁵, в декабре 1873 — декабре 1874 гг. Капустин рассмотрел 472 уголовных и гражданских дела. По статистике занял почетное 4-е место по количеству дел, введенных в судопроизводство в Пермском уезде⁶.

Из-за огромных пространств и недостаточного количества мировых судей с самого введения мировой юстиции в большинстве уездов происходило постоянно перераспределение границ судебных участков. Начиная с 1874 г. пермские земцы ежегодно пересматривали границы участка М.И. Капустина. Каждый раз в очередных докладах местной управы озвучивалась мысль, что новое изменение предоставит большие удобства населению: «Все волости его участка будут находиться на одинаковом расстоянии от его камеры. Лучшего деления и желать нельзя. До сего же времени Новоильинские жители ехали чрез Пермь, чтобы судиться у мирового судьи 7-го участка и, таким образом, вместо 60 верст делали около 100». Камера (местопребывание) мирового судьи М.И. Капустина также была перенесена на 37 верст (из Юговского завода в г. Пермь), что вызвало справедливую критику отдельных гласных: «Жители деревни Осиновки, приписанной к Югокамской волости, отстоящей от оной в верстах, прежде ходили в Юг лесными дорогами только 30 верст, теперь они должны являться в г. Пермь за 70 верст!»⁷ В подобных случаях мировые судьи оказывались заложниками ситуации и не могли ничего изменить, кроме организации выездов в отдаленные территории для разбора накопившихся судебных дел.

Очередное изменение границ усложнило деятельность М.И. Капустина, и земству пришлось признать, что к его участку было прибавлено слишком много новых террито-

⁵ См.: Попп И.А. Проблема взаимосвязанности структуры местного суда в 1860–1880-х гг. // История государства и права. 2013. № 3. С. 39–43.

⁶ СМ.: ПГВ. 1875. № 47. С. 254, 260.

⁷ Журналы V очередного Пермского уездного земского собрания. Пермь, 1875. С. 71–72; Журналы VI очередного Пермского уездного земского собрания. Пермь, 1876. С. 4, 6–7, 398–399.

рий, кроме того, «у судьи 7-го участка производится весьма много и весьма сложных дел о порубках. Эти дела потому требуют много времени для разбора, что по ним бывает весьма много свидетелей, нередко даже до 20 по одному делу, которых всех надо спросить и показания каждого записать в протокол», поэтому для «облегчения» судьи было предложено перевести часть волостей в 3-й участок⁸. Подобное перекидывание волостей из одного участка в другой не решало проблемы. Необходимо было существенно увеличить количество судебно-мировых участков и этим приблизить мировой суд к населению.

М.И. Капустин работал мировым судьей 7-го участка Пермского судебно-мирового округа почти 10 лет: «Ум и знания создали ему репутацию одного из самых умных людей в Перми, а его неподкупность и справедливость часто ставили его в тяжелое положение среди людей другого порядка»⁹. Вероятно, по этой причине ему пришлось покинуть Пермский уезд, и в марте 1883 г. Капустин с семьей переехал на постоянное местожительство на свою малую Родину — в Шадринский уезд, где был избран мировым судьей 3-го участка. На новом месте работы пришлось заново обустроиваться: «От предшественника своего он не получил никакого имущества, составляющего необходимую принадлежность для обстановки камеры и все это устроил заново за свой счет»¹⁰. Дочь Михаила Ивановича Екатерина оставила замечательные воспоминания о деятельности своего отца на должности мирового судьи: «Спустя много лет, когда он уже был в отставке, ему случилось быть проездом в своем бывшем участке. Крестьяне узнали об этом, пришли к нему приветствовать его и принесли ему в подарок землянику. Вспоминали все его дела, благодарили его за старое. Отец принял у них землянику, так как это была не взятка, а знак уважения. Раньше, когда он был судьей, всякое приношение немедленно возвращалось, а если взятка навязывалась, он выходил из себя, выгонял

просителя и выбрасывал вещи. Строго было воспрещено всем домашним что-либо принимать и приносившие взятки всегда уходили с позором, поэтому крестьяне его так ценили за неподкупность. При разборе запутанного дела он очень тщательно все рассматривал, взвешивал, часто до поздней ночи сидел над ним, делился своими мыслями со своей женой — моей матерью, которая часто служила ему секретарем. Они вместе радовались, когда дело выяснялось и истинный виновник был найден»¹¹.

В Шадринском уезде Капустин работал до 1891 г. В это время началась интенсивная подготовка к введению в Пермской губернии земских начальников и городских судей, что предполагало ликвидацию выборного мирового суда. Первоначально предполагалось провести эту контрреформу в 1892 г., но «ввиду затруднительного положения Государственного казначейства и по соглашению с министерствами финансов и юстиции, признал возможным отложить осуществление назначенной реформы до 1 сентября 1893 г.»¹², а М.И. Капустин «подал в отставку, не полагая быть земским начальником»¹³.

После завершения работы в должности мирового судьи М.И. Капустин посвятил себя научной деятельности. Он был избран членом пермской губернской ученой архивной комиссии, писал статьи об истории Пермского края. «Основной труд отца (М.И. Капустина), на который он потратил не менее 6 лет, был его словарь-справочник по пермской старине, но смерть помешала ему его закончить». Введение к словарю начиналось словами истинного ученого: «Наш Пермский край может быть и очень далеко отставший от других местностей России по времени начала своего культурного развития и немного еще гражданской жизни, насчитывающей за своей спиной, зато раскинут на громадное пространство, поэтому-то архивы края представляют собой море, где все волны да волны, одна с другой точь-в-точь сходят до бесконечности. Пловцу по этому морю ориентироваться почти нечем. Изучающему наши архивы немаловажную услугу в его работах мог бы оказать справочный предметный словарь пермского прошлого, но пока такой у нас не создан и всякому, ра-

⁸ См.: Журналы VII очередного Пермского уездного земского собрания. Пермь, 1877. С. 467–468.

⁹ ОР РГБ. Ф. 118. П. 1. Д. 1. Л. 40б.

¹⁰ Журналы XIV очередного Шадринского уездного земского собрания. Шадринск, 1884. С. 14–15.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 118. П. 1. Д. 1. Л. 5–50б.

¹² Там же. Ф. 290. П. 64. Д. 4. Л. 16.

¹³ Там же. Ф. 118. П. 1. Д. 1. Л. 20б.

ботающему по изучению архивных дел, приходится начинать сначала, когда он вступает на ногу архивного труда»¹⁴. Во время работы над словарем Капустин скрупулезно собирал историко-краеведческие, этнографические и топографические сведения о монастырях, селениях, событиях и лицах Пермского края, создавал чертежи уездных городов и делал подробные описания к ним¹⁵.

М.И. Капустин занимался переводами с немецкого, французского, английского и даже итальянского, фотографировал и чертил планы, разводил цветы, «работал в огороде и радовался каждому выращенному им растению», выписывал журналы и научные книги, читал их вместе с дочерью, которая впоследствии стала врачом. Воспитанность, умение сопереживать чужим людям хорошо подтверждают следующий пример: во время голода в Поволжье в 1902 г. Михаил Иванович заявил своим близким, что не надо совсем отмечать праздников изысканной едой и покупкой новой одежды, «а все деньги, которые тратятся на это, надо послать голодающим, и послал...». М.И. Капустин умер в 1904 г. в возрасте 67 лет¹⁶.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 118. П. 2. Д. 1. Л. 63.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 1–39; Там же. П. 3. Д. 2. Л. 1–73.

¹⁶ Там же. П. 1. Д. 1. Л. 6–6об.

Участковые мировые судьи, подобные М.И. Капустину, на местах работали над реализацией законоположений, установленных судебной реформой 1864 г. Несмотря на то, что они в большинстве случаев не имели юридического образования, их высококлассный уровень подготовки позволял им ежедневно отстаивать основные принципы нового суда, понимать обычаи местного населения и прививать ему законодательные нормы. Только провинциальные судьи лучше всего понимали проблемы и достижения пореформенного судопроизводства, так как постоянно совершали рабочие поездки по своим огромным участкам с плохими дорогами и суровым климатом, принимали жалобы и просьбы от населения, слушали истцов, ответчиков и свидетелей. Опытные мировые судьи могли бы оказать значительную помощь при дальнейшем реформировании системы местного суда. К сожалению, в 1889 г. был издан закон о земских начальниках, который поставил на долгие годы точку в развитии выборного, скорого, доступного, гласного и дешевого суда.

Литература

1. Попп И.А. Проблема взаимосвязанности структуры местного суда в 1860–1880-х гг. / И.А. Попп // История государства и права. 2013. № 3. С. 39–43.

Состояние уголовного судопроизводства в контексте охраны общественного порядка в России в 60–70-х годах XIX века

*Колотков Михаил Борисович,
преподаватель в.ч. № 44014 (г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук
mkolotkov@yandex.ru*

В статье дается оценка состояния уголовного права и процесса в период судебных преобразований в России 60-х годов XIX века, выявляются причины контрреформирования судебной системы. Отмечены некоторые положения, повлиявшие на механизм выстраивания правовых отношений между государством и обществом в сфере охраны общественного порядка.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, общественный порядок, государственные преступления.

Status of Criminal Legal Proceedings in the Context of Maintenance of Public Order in Russia in the 1860–70s of the XIX Century

*Kolotkov Mikhail B.,
Lecturer of Military Unit No.44014 (Saint Petersburg),
Candidate of Legal Sciences*

The estimate of the state of the criminal law and process in the period of the judicial reforms in Russia of the sixties of the 19th century is considered in the article, the reasons of the judicial system reforms are exposed. Some propositions, which influenced on the relation mechanism between the State and Society in sphere of public order are marked.

Key words: criminal law, criminal process, public order, treasons.

В истории развития российского права период 60–70-х годов XIX века имел ключевое значение, поскольку кардинальным образом разграничил правовые подходы к расследованию преступлений против общественного порядка и к судопроизводству по политическим делам. Объективное и правильное понимание процессов, проходивших в этот период в национальной правовой системе, позволяет, на наш взгляд, определить фундаментальные основы и отправные механизмы, повлиявшие на процесс правового регулирования охраны общественного порядка в России.

Прежде всего следует отметить, что до 1864 года российской правовой системе не были присущи элементы кодификации с точки зрения современной теории ее понимания, хотя отдельные кодификационные акты уже существовали. Дореформенное судопроизводство оставляло открытым вопрос о закреплении источников права, что, на наш взгляд, также немаловажно. В структурном отношении уголовное пра-

во и процесс в России выстраивались на основе рецепции немецкого права, многие положения которого составляли основу российской правовой системы того периода. Так, следствие в России подразделялось на предварительное и формальное, первое из которых начиналось с момента обнаружения признаков преступления или получения определенных оснований его начала¹. Особое внимание следует обратить на тот факт, что согласно российскому праву предварительное следствие в конечном счете должно было привести к появлению обвиняемого. Формальное следствие, начавшееся вслед за предварительным, именно по этой причине велось уже в отношении конкретного лица, и его задачей являлось окончательное установление всех обстоятельств дела. По окончании формального следствия дело отправлялось в суд, ко-

¹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб., 1912. С. 32–35.

торый рассматривал его исключительно по представленным материалам. Судебное разбирательство в России до 1864 года производилось в закрытом режиме в отсутствие каких-либо элементов состязательности. Суд располагал лишь письменными материалами по делу и работал только с ними. Допрос обвиняемого в суде, пожалуй, являлся единственной возможностью персональной оценки судом личности подсудимого. Фактически дореформенный суд занимался оценкой доказательств по делу, а не судебным производством в его современном понимании.

В рамках судебной реформы 1864 года была произведена первая в истории российского права уголовно-процессуальная кодификация, выраженная в принятии Устава уголовного судопроизводства². В результате этих действий был получен не только первый в России кодификационный акт, но на технико-юридическом уровне произошло отделение двух процессов: уголовного и гражданского. Конечно, правовое обособление этих двух видов судопроизводства произошло значительно раньше, но юридическая практика все-таки требовала их разделения в рамках самостоятельных кодифицированных актов.

Следует отметить, что недостатки уголовного судопроизводства дореформенного периода неоднократно определялись как составителями судебных уставов 1864 года, так и многими учеными и юристами на протяжении более чем 150 лет³. Перечислять их нет необходимости, однако можно сделать значимые выводы в части, касающейся нашего исследования. В частности, необходимо понимать, что в дореформенный период лица, планировавшие совершить преступление, посягающее на общественный порядок (государственные и политические преступления, в том числе террористические акты), понимали, что следственные действия и аресты в России могли проводиться без наличия каких-либо существен-

ных оснований. Смещение ветвей власти приводило к злоупотреблению правом и субъективному подходу к преступнику, а также к неограниченной роли в уголовном судопроизводстве должностных лиц. Так называемое «заочное» рассмотрение дела судом без участия подсудимого и без учета судьейского усмотрения приводило к осознанию преступником потенциальной ответственности еще на стадии подготовки преступления, поскольку избежать наказания в тех условиях было достаточно сложно. Мотивационная, психологическая и идейная составляющие подготовки преступника в условиях применения судом теории формальных доказательств имели практически нулевое значение, поскольку подсудимый фактически не вступал в контакт с судом. Вообще дореформенное уголовное судопроизводство само по себе было пропитано государственной идеологией, удельный вес которой значительно превышал величину объективного применения права как такового.

В части, касающейся вопросов охраны общественного порядка, на наш взгляд, следует выделить книгу III Устава «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства», в которой закреплялись пять оснований таковых изъятий, по которым применялись особые производства. В их число входили и дела по государственным преступлениям, которые являлись главным видом преступлений против общественного порядка в России во второй половине XIX века. Таким образом, законодатель в пореформенном кодификационном акте определил особое отношение к государственным преступлениям, регламентировав для них особое производство. На наш взгляд, в основе такого выделения зачастую лежали не правовые, а политические усмотрения.

Наиболее важными принципами, введенными Уставом уголовного судопроизводства в 1864 году, являлись широко известные современной правовой науке принципы гласности, устности и непосредственности. Их появление совершенно однозначно можно считать одним из наиболее значимых достижений Устава, который в конечном счете сделал российский уголовный процесс состязательным и открытым. Однако следует учитывать тот факт,

² См.: Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов : в 2 т. Т. II : Устав уголовного судопроизводства / под ред. А.В. Головки. М., 2014. С. 30.

³ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложениями рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2 : Издание государственной канцелярии. СПб., 1866. С. 21.

что уголовный процесс вкупе с введением в России такого революционного элемента судопроизводства, как присяжные заседатели, позволил существенно изменить форму преступной деятельности, направленной против общественного порядка. Теперь преступники могли использовать суд в качестве плацдарма для пропаганды своих идей. В среде революционеров-террористов вообще был сформирован целый механизм участия подсудимого в судебном заседании, избрана тактика ведения бесед, а также определен способ защиты своих интересов⁴.

После принятия судебных уставов 1864 года суд присяжных однозначно стал одним из наиболее значимых элементов судебной системы. Согласно статистическим данным в 70-х годах XIX века преобладающая часть дел в России рассматривалась судом с участием присяжных заседателей⁵. При этом следует отметить тот факт, что по делам, рассмотренным судом присяжных, наблюдалось большое количество оправдательных приговоров, что не могло не беспокоить государственную власть. На наш взгляд, это обстоятельство существенным образом повлияло на процесс последующего контрреформирования судебной системы.

Исходя из положений судебных уставов, дела по государственным преступлениям к компетенции суда присяжных не относились, а рассматривались в особом порядке: судом второй инстанции с участием словесных представителей, а впоследствии Особым присутствием Правительствующего Сената. Однако усмотрения власти на более жесткий подход к рассмотрению дел о государственных преступлениях в особом порядке не всегда достигались, поскольку обвиняемые довольно часто не получали обвинительные приговоры. Оправдательный приговор по делу В. Засулич, которое сознательно было представлено в качестве обычного уголовного и поэтому рассматривалось судом присяжных, окончательно убедил государственную власть, что дела с политической окраской не должны

рассматриваться присяжными заседателями. В этой связи в законодательство были внесены соответствующие изменения. Так, согласно Ежову В.А. в мае 1878 года присяжные заседатели были лишены права рассматривать такие дела, как «убийство и покушение на убийство должностных лиц, нанесение им ран и увечий при исполнении должностными лицами служебных обязанностей, а также иные дела, где преступные действия были направлены против порядка управления»⁶.

Динамика уголовного процесса, осуществляемого в рамках положений Устава уголовного судопроизводства 1864 года, на наш взгляд, требует отдельного полноценного изучения, однако для получения системного представления о предмете нашего исследования на некоторых его аспектах необходимо акцентировать внимание. В частности, в 60-х годах XIX века уголовный процесс применительно к его общему порядку не имел четко оформленных и официально признанных стадий. Вместе с тем определенное деление уголовного судопроизводства все же наблюдалось. По мнению Фойницкого И.Я., уголовный процесс пореформенного периода располагал 7 стадиями, начиная от предварительного расследования и заканчивая исполнением приговоров⁷. Отмечалось, что обозначенная процедура соблюдалась исключительно по наиболее важным делам. В иных случаях стадии уголовного процесса сливались, а некоторые из них вообще носили формальный характер.

Сильно не углубляясь в детальное исследование пореформенного уголовного процесса и не конкретизируя его особенности по отдельным стадиям, на наш взгляд, необходимо отметить некоторые новые положения, повлиявшие на механизм выстраивания правовых отношений между государством и обществом в сфере охраны общественного порядка. Прежде всего Устав уголовного судопроизводства предоставлял право обвиняемому по окончании предварительного следствия ознакомить-

⁴ С.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 г. М., 1978. С. 53–70.

⁵ См.: Демичев А.А. Периодизация суда присяжных // Журнал российского права. 2001. № 7.

⁶ Ежов В.А. Судебные преобразования в России в последней четверти XIX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3(122). С. 56.

⁷ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб., 1910. С. 341.

ся с материалами дела. Эта процессуальная особенность дополняла картину формирования состояния правовой защищенности человека и гражданина, находящейся в рассматриваемый период в зачаточном состоянии. В условиях трудной социально-политической обстановки, осложненной появлением и последующим развитием терроризма, подобные процессуальные нормы внушали уверенность революционно настроенным гражданам в укреплении силы права над интересами власти и государства, поскольку они, даже находясь под следствием, получали беспрецедентный для того времени пакет прав и гарантий.

Кроме того, Устав уголовного судопроизводства отказался от системы пересмотра приговоров по принципу инквизиционных процессов, типичных для дореформенного периода, закрепив три известных варианта пересмотра: апелляцию, кассацию и возобновление дела. Наиболее подробно и содержательно об этом изложено в отдельных работах Головки А.В.⁸ Главное, возможности пересмотра оправдательных приговоров, вступивших в законную силу, Устав уголовного судопроизводства не давал, что впоследствии вызвало недовольство со стороны государственной власти, стремившейся при любых обстоятельствах наказать революционеров-террористов и иных лиц, проходивших по политическим процессам и оправданных судом.

Одним из вопросов, который имел огромное значение для российского права и который было необходимо разрешить в рамках Устава уголовного судопроизводства, являлась проблема выбора доказательственной системы. Следует отметить, что изменения, касавшиеся положений о доказательствах и доказывании, которые были внесены в Устав, легли в основу современного российского доказательственного права. В частности, Устав уголовного судопроизводства фактически отказался от теории формальных доказательств, на смену которой пришла западноевропейская теория доказательств моральных, основанная на внутреннем убеждении судьи. Положения этой теории были изложены в

статьях 766, 801, 803 и 804 Устава уголовного судопроизводства⁹. Следует отметить, что законодатель при работе над проектом Устава отдельно хотел зафиксировать несколько правил оценки доказательств, но они в утвержденный текст Устава не вошли и не приобрели юридической силы.

На наш взгляд, внесение в российское уголовное судопроизводство таких оценочных категорий, как внутреннее убеждение судьи, помимо известного положительного эффекта привело и к некоторым негативным последствиям. Теперь члены революционных и террористических организаций получили шанс использовать субъективный фактор оценки преступления судьей в качестве возможности отставания и пропаганды своих интересов путем использования критерия убеждения. Об этом свидетельствует известное дело В. Засулич, по которому суд вынес оправдательный приговор¹⁰. Впоследствии российская правовая система ужесточила меры правового противодействия революционной и террористической угрозе, устранив возможность использования стороной обвиняемого внутреннего убеждения судьи, поскольку большинство дел о государственных и политических преступлениях рассматривалось в особом порядке с учетом интересов государства. Об этом свидетельствует огромное количество архивных и документальных материалов¹¹.

Судебная реформа 1864 года привнесла в российский уголовный процесс и в деятельность судебных учреждений радикальные изменения. Однако совсем за непродолжительный период практической реализации уголовно-процессуальных новшеств в национальной правовой системе появились существенные отступления от установленных судебной реформой начал. В историко-правовой литературе этот процесс получил название судебной контрреформы. Исследование динамично развивавшихся во второй

⁸ См.: Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. А.В. Головки. М., 2014. С. 65–69.

⁹ См. там же. С. 55.

¹⁰ См.: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996.

¹¹ См.: Борьба с терроризмом в России (вторая половина XIX — начало XX вв.): сборник документов и материалов. Ч. 1 / Типография в.ч. № 33965. М., 2000. С. 45–134.

половине XIX века судебных преобразований имеет большое значение, поскольку на современном этапе можно наблюдать схожую ситуацию в части, касающейся реформирования судебных органов и уголовного процесса. Можно согласиться с мнением Ежова В.А., который в качестве подобного примера выделил законодательно закрепленные в конце 2008 года изменения по вопросам противодействия терроризму¹². В частности, обвиняемые в уголовных преступлениях, связанных с терроризмом (в федеральном законе дан исчерпывающий перечень преступлений), лишались права на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей¹³.

Безусловно, судебная контрреформа отчасти представляла собой ответ на революционную и террористическую деятельность, набравшие обороты в России в 1870-х годах. Анализ нормативных правовых актов, принятых государством в тот период, свидетельствовал о том, что национальная правовая система постепенно приобретала чрезвычайную или даже мобилизационную окраску. Наиболее ярко этот процесс наблюдался в конце 1870-х — начале 1880-х годов, когда значительная часть дел по государственным преступлениям стала рассматриваться военными судами. В 1878–1879 годах было принято несколько нормативных правовых актов с мобилизационной окраской, к которым следует отнести Указ Сената от 9 августа 1878 г. «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного

времени»¹⁴, Указ от 5 апреля 1879 г. «О временных генерал-губернаторах»¹⁵, а также ряд других документов.

Литература

1. Борьба с терроризмом в России (вторая половина XIX — начало XX вв.) : сборник документов и материалов. Ч. 1 / Типография в.ч. № 33965.М., 2000.
2. Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов : в 2 т. Т. II : Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М., 2014.
3. Демичев А.А. Периодизация суда присяжных // Журнал российского права. 2001. № 7.
4. Ежов В.А. Судебные преобразования в России в последней четверти XIX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3(122). С. 56.
5. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996.
6. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложениями рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2 : Издание государственной канцелярии. СПб., 1866. С. 21.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Т. 53. Ч. 2. № 58778.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Т. 54. Ч. 1. № 59476.
9. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. С. 53–70.
10. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» № 321-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 29.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб., 1912.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб., 1910.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Т. 53. Ч. 2. № 58778. С. 89–90.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Т. 54. Ч. 1. № 59476. С. 298–299.

¹² См.: Ежов В.А. Судебные преобразования в России в последней четверти XIX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3(122). С. 54–57.

¹³ Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» № 321-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 29.

Система разрешения споров о трудовых увечьях на промышленных предприятиях Тульской губернии начала XX в.

*Краюшкина Елена Игоревна,
аспирантка кафедры истории и археологии
Тульского государственного педагогического
университета им. А.Н. Толстого
lenakrayush@yandex.ru*

В настоящей статье на основе анализа материалов, содержащихся в фондах Государственного архива Тульской области, рассматривается система разрешения споров между работниками и администрацией предприятий Тульской губернии, возникавших в связи с трудовыми увечьями, оценивается ее эффективность и недостатки.

Ключевые слова: социальное страхование, Тульская губерния, фабричная инспекция, рабочие, трудовые увечья.

The System of Resolution of Disputes Regarding Work-related Injuries at Industrial Enterprises of the Tula Province in the Early XX Century

*Krayushkina Elena I.,
Postgraduate Student of the History and Archeology Department
at L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University*

Basing on the Tula Region State Archive documents, this article explores the arbitration system of the disputes between the workers and entrepreneurs of Tula region, related to the labour injuries. The system's effectiveness and shortcomings are analyzed.

Key words: social insurance, Tula region, factory inspection, workers, labour injuries.

Одной из основополагающих функций современных государств является социальная политика, направленная не только на обеспечение прав и законных интересов личности, но и на разрешение различных противоречий в обществе¹. В российском законодательстве поворот к признанию ценности личных прав и социальной защищенности населения произошел на рубеже XIX–XX вв., когда впервые в истории страны было введено обязательное социальное страхование фабрично-заводских рабочих от болезни и несчастных случаев на производстве.

Хотя в данный период во многих регионах абсолютное большинство конфликтов между рабочими и предпринимателями составляли споры об оплате труда и продол-

жительности рабочего дня^{2,3}, с принятием в 1903 г. и началом реализации закона о социальном страховании рабочих от несчастных случаев на производстве⁴ начало увеличиваться и количество конфликтов,

¹ См.: Тарасова И.А. Социальная функция государства // История государства и права. 2012. № 9. С. 8.

² См.: Мустафин Р.Р. Организационно-правовые основания разработки фабрично-заводского законодательства в Российской империи последней четверти XIX в. // История государства и права. 2012. № 14. С. 35–36.

³ См.: Краюшкина Е.И. Деятельность фабричной инспекции по обеспечению страхования рабочих на предприятиях Тульской губернии в начале XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, экономика, политология, информатика. 2014. № 1 (172). Вып. 29. С. 132–134.

⁴ См.: «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности» // ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXIII. № 23060.

так или иначе связанных с этим вопросом. Поэтому одним из важнейших направлений реализации законодательства стало построение системы разрешения противоречий между работниками и предпринимателями на почве определения и назначения компенсаций за трудовые увечья.

В конце XIX — начале XX вв. Тульская губерния являлась типичным регионом Центрального промышленного округа⁵. Особая роль в развитии промышленности региона принадлежала губернскому центру Туле (входившей к концу XIX в. в число 11 ведущих городских индустриальных центров по показателю численности населения и развитому комплексу предприятий)⁶. На Тульскую губернию, как и на другие регионы Европейской России и Кавказского края, распространялось действие закона 1903 г., согласно которому владелец предприятия обязан был выплачивать денежную компенсацию рабочим, получившим увечье при работе на предприятии или при последовавшей от несчастного случая смерти рабочего, членам его семейства⁷. Компенсации выплачивались либо из средств предприятия, либо, если предприниматель страховал рабочих от несчастных случаев на производстве в страховом обществе, из фонда страхового общества.

Процедура назначения выплат рабочим по случаю трудовых увечий состояла из нескольких этапов: 1) заведующим мастерской при свидетелях составлялся протокол о несчастном случае и выписывалось направление к заводскому врачу, в котором указывалось, было ли повреждение получено в результате заводской работы⁸; 2) о несчастном случае ставилась в известность администрация завода, полиция и участковый фабричный инспектор; 3) в случае необходимости лечения рабочих направлял-

ся в заводскую, городскую или земскую больницу, причем соответствующие расходы оплачивались за счет предприятия, а рабочих в период лечения получал пособие в размере половины дневного заработка⁹; 4) в случае если травма не могла быть излечена полностью и снижала трудоспособность рабочего, врачебной комиссией оценивалась степень ее утраты и составлялось соответствующее заключение, которое заверялось приставом¹⁰; 5) исходя из этого рабочему назначалась пожизненная пенсия, составлявшая при полной утрате трудоспособности 2/3 от среднего дневного заработка; при неполной утрате размер пенсии определялся путем умножения суммы, которая могла быть получена при полной утрате трудоспособности, на степень фактической утраты трудоспособности, выраженную в процентах¹¹. Администрация предприятий обязана была вести строгую отчетность и ставить в известность участкового фабричного инспектора о количестве и причинах несчастных случаев, произошедших за год¹².

Несмотря на содержащуюся в законе довольно детальную регламентацию процедуры получения компенсации, существовали и определенные пробелы в законодательстве, которые на практике зачастую вызывали спорные ситуации, приводящие к конфликтам. Одной из наиболее серьезных проблем было определение причинно-следственной связи между полученной травмой и последующей утратой трудоспособности¹³. Сложности вызывал и вопрос о том, можно ли было отнести к несчастным случаям на производстве професси-

⁵ См.: Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917. С. 45.

⁶ См.: Симонова Е.В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке : монография. Тула, 2005. 237 с.: ил. С. 71–72.

⁷ См. ст. 1–3 «Правил о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности» // ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXIII. № 23060.

⁸ ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 134. Л. 9.

⁹ См. ст. 10 «Правил о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности» // ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXIII. № 23060.

¹⁰ ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 16. Л. 1–22.

¹¹ См. ст. 6–8 «Правил о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности» // ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXIII. № 23060.

¹² См. там же. Ст. 29.

¹³ ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 6. Л. 3, 40, 188, 242, 285, 286, 302, 337, 363, 364, 373.

ональные заболевания (грыжи, контрактуры, снижение остроты зрения и т.д.¹⁴), о чем в законе речи не шло. Закон не относил к несчастным случаям на производстве и преждевременные роды, выкидыши и женские заболевания, которые случались с работницами из-за поднятия тяжестей¹⁵. Все эти пробелы давали почву для разногласий между рабочими и администрацией предприятия о возможности выплат компенсаций, которые иногда превращались в многолетние судебные процессы.

В дореволюционной России важное место в досудебном разрешении споров занимали институты посредничества, или медиации. Некоторые исследователи даже называют Россию «одним из пионеров медиации», прежде всего в области коммерческих споров¹⁶. В области трудового права подобные функции возлагались на институт фабричной инспекции, созданной в 1882 г. в качестве органа надзора и контроля за деятельностью промышленных предприятий. Обращение к фабричному инспектору с жалобой на конкретные действия или бездействие администрации было довольно популярной формой отстаивания рабочими своих интересов, даже в тех случаях, когда со стороны администрации вовсе и не было нарушений закона. Фабричный инспектор одного из участков Московской губернии А.С. Клепиков (псевдоним — С. Гвоздев) так описывает это в своих мемуарах:

«Очень многие совершенно неосновательные жалобы рабочих обязаны своим возникновением подстрекательству разных адвокатов, кишащих... во всех крупных фабричных поселках. Абсолютные невежды в законах, эти адвокаты по трактирам и чайным разыскивают рабочих, склонных предъявить какую-либо претензию к фабрике, и... прикинувшись знатоками всех законов, предлагают писать прошения. За бессмысленные, безграмотные бумаги темный рабочий платит большие для его кармана деньги... веря, что с прошением, с бумагой

в руках он, наверное, добьется желаемого... Почти два рубля своих кровных денег отдает темный человек ни за что ни про что «знающему человеку» или, попросту сказать, жулику. И еще долго будет у нас это зло, потому что до повсеместных бесплатных консультаций присяжных поверенных у нас еще очень далеко; да если бы и появились такие, то кабацкие адвокаты сумеют использовать народную темноту»¹⁷.

Тем не менее большинство жалоб рабочих на социальное обеспечение в Тульской губернии имели под собой определенные основания — отказ администрации в выплате пособия, несогласие с размером пособия и т.д. Некоторые из них заканчивались подписанием мирового соглашения, заверяемого фабричным инспектором. В случае если договориться не удавалось, составлялся акт несогласия сторон, и дело передавалось в Тульский окружной суд, где для объективного определения утраты трудоспособности могла быть назначена повторная медицинская экспертиза. Если какая-либо из сторон не была удовлетворена решением суда, подавалась апелляция в Московскую судебную палату; если дело не разрешалось и там, могла быть подана кассационная жалоба в Сенат.

Судебная процедура далеко не всегда приносила рабочим желаемый результат. Даже если иск был удовлетворен, что случилось далеко не всегда, сумма назначенных выплат была зачастую намного ниже заявленной в иске. Кроме того, в случае положительного решения суда выплата судебных издержек, составлявших немалую сумму, зачастую ложилась на плечи рабочего (так, встречаются дела, где пенсия, назначенная рабочему, составляла 96 копеек в месяц, а сумма судебных издержек, которую он должен был выплатить, составляла 181 руб. 85 коп.¹⁸). Подобная практика не распространялась лишь на рабочих, которые по своему имущественному положению могли воспользоваться «правом бедности», освобождающим от уплаты судебных издержек. У рабочих, уволенных с завода из-за утраты трудоспособности и пожелавших судиться, в случае восстановления трудоспособности

¹⁴ ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 6. Л. 61, 119, 120, 134, 201, 228, 252, 253, 262, 263, 288, 297, 387, 388, 408, 409, 416, 443; Там же. Д. 13. Л. 122.

¹⁵ ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 13. Л. 328.

¹⁶ См.: Мордовцев А.Ю., Агафонова Т.П. Медиация в истории российской государственности: юридино-конфликтологический аспект // История государства и права. 2013. № 24. С. 33

¹⁷ Гвоздев С. Записки фабричного инспектора. Из наблюдений и практики в период 1894–1908. М., 1911. С. 201–202.

¹⁸ ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 6. Л. 453.

возникали серьезные проблемы с трудоустройством. Об отношении к этому вопросу со стороны рабочих свидетельствуют их многочисленные прошения в адрес дирекции завода: «...я судился с заводом по научению сторонних, совершенно неопытных в этом деле людей, а потому моей вины в этом мало...»¹⁹ «В 1906 г. [я] получил вывих руки, за увечье мне было назначено единовременное пособие, а затем возник судебный процесс о выдаче мне платы в виде пособия. В настоящее время я излечился от своего недуга, ввиду моего бедственного состояния и обремененности семьей (жена и четверо детей) — прошу опять определить на службу... я прекращаю с этого момента весь судебный процесс».

Слесарь Патронного завода П. Герасимов, повредивший пальцы на руке, так объясняет причину возбуждения судебного иска: «Ввиду того, что пальцы сравнительно зажали, мне доктор под самый праздник Рождества отказал в пособии, чем лишил меня куска хлеба, и я по своему незнанию и советам других передал дело присяжному поверенному Рязанову, но 15 января 1908 года просил Вас допустить к работам, что Вы разрешили. Я предполагал, что Рязанов, так как я к нему не ходил, не направит дело, но ошибся. 19 сентября [был] назначен суд, где я заявил, что работать могу, судиться не желаю и претензий к заводу никаких не имею»²⁰. В своем втором прошении Герасимов пишет (орфография сохранена): «Прошу простить мою вину прошлого примите на работу слесаря установщика в 6 мастерскую астална я вам лично обесню не откажите ради Бога мне очень с семейством худа жить»²¹. В очередной раз не получив ответа от администрации, Герасимов вновь пишет: «Третий раз напоминаю Вам о себе прошу не отказать мне в какой-либо должности семья 6 человек крайне нуждается... прошу обратить на меня внимание в качестве старого рабочего... Что касается дела об увечье меня заставило сделать семейное положение в чем я теперь раскаиваюсь т.к. по русски сказать полез не в свои сани»²².

Таким образом, система разрешения споров между рабочими и предпринимателями в связи с трудовыми увечьями, сложившаяся в начале XX в., далеко не всегда была способна гарантировать рабочим право на социальное обеспечение в случае получения травмы на производстве. Серьезными проблемами являлись пробелы в законодательстве, не отнормировавшие ряд профессиональных и женских заболеваний к трудовым увечьям; угроза лишения работы в случае обращения рабочего в суд; большие судебные издержки и в целом низкая правовая культура рабочих.

Литература

1. Гвоздев С. Записки фабричного инспектора. Из наблюдений и практики в период 1894–1908 / С. Гвоздев. М., 1911. С. 201–202
2. Краюшкина Е.И. Деятельность фабричной инспекции по обеспечению страхования рабочих на предприятиях Тульской губернии в начале XX в. / Е.И. Краюшкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, экономика, политология, информатика. 2014. № 1 (172). Вып. 29. С. 132–134
3. Мордовцев А.Ю., Агафонова Т.П. Медиация в истории российской государственности: юридико-конфликтологический аспект / А.Ю. Мордовцев, Т.П. Агафонов // История государства и права. 2013. № 24. С. 33
4. Мустафин Р.Р. Организационно-правовые основания разработки фабрично-заводского законодательства в Российской империи последней четверти XIX в. / Р.Р. Мустафин // История государства и права. 2012. № 14. С. 35–36
5. «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности» // ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXIII. № 23060
6. Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917. М.: Наука, 1982. 464 с. С. 45
7. Симонова Е.В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке: монография / Е.В. Симонова. Тула, 2005. 237 с.: ил. С. 71–72
8. Тарасова И.А. Социальная функция государства / И.А. Тарасова // История государства и права. 2012. № 9. С. 8
9. ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 134.
10. ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 6.
11. ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 13.
12. ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 16.

¹⁹ ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 6. Л. 32.

²⁰ Там же. Л. 93.

²¹ Там же. Л. 96.

²² Там же. Л. 104.

Уважаемые авторы!

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц (не более 25 000 знаков с учетом сносок и пробелов). Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на произведение заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист». Статьи и другие материалы, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

4. В начале статьи авторы направляют в редакцию на русском и английском языках (обязательно для лиц, сдававших кандидатский экзамен по английскому языку) следующие сведения и материалы:

- a) фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, ученое звание;
- b) название статьи;
- c) аннотацию к статье (150–200 слов);
- d) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);
- e) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале).

Кроме того, автор представляет только на русском языке пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист». Данные, представляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

5. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

7. К опубликованию принимаются материалы, прошедшие проверку в системе «Антиплагиат», и содержащие не менее 75% авторского текста.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru.

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7